

Т.Н. Белова (Москва, Россия)

**Доминирующие и детерминирующие факторы становления
англо-американской литературоведческой русистики
в 1960–1970-е гг.**

Академическая «новая критика»,
советология и двухсторонние творческие и научные контакты
между учеными СССР и англоязычных стран Запада

Аннотация: В статье рассматриваются основные факторы как академической направленности, так и явно пропагандистского толка, оказавшие определенное негативное влияние на процесс становления и развития англо-американской русистики в 1960–1970-е гг., – это «новая критика» и советология. Вместе с тем особое внимание уделяется позитивному процессу разрядки международной напряженности в эти годы и определяющему фактору развития – прямому влиянию достижений отечественных ученых (филологов, историков, культурологов, политологов и др.), значительно возросшему в связи с Межправительственными соглашениями о научных обменах между СССР и США, а также Великобританией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и странами Западной Европы.

Ключевые слова: русская литература, англо-американская русистика, «новая критика», советология, научные обмены, творческие и научные контакты, разрядка международной напряженности

T.N. Belova (Moscow, Russia)

**On Dominant and Determinant Factors
within the Rise of Russian Literature Study in the USA
during the 1960–1970s.**

“New Criticism”, Sovetology and the Direct Influence of Russian Scholars’ Achievements due to Détant and International Research Exchange Agreements Between the USSR, the USA and Other Western and European Countries

Abstract: The article comprises some dominant and determinant factors within the rise of American academical Russian literature study. Thus “new criticism” and sovetologic propagation during the 1960–1970s were hindering the development of Russian literature study in the USA, the Great Britain and Canada. But the author lays spe-

cial emphasis on the determinant role of Russian scholars' achievements in this field of knowledge as well as a free access of foreign researchers to National Archives in the USSR that became possible due to Détant and International research exchange agreements between this country and the USA, the Great Britain, Canada, Australia, New Zealand and European countries.

Key words: Russian literature study, "new criticism", sovetology, Détant, research exchanges, creative contacts

Одним из факторов, затруднявших объективное изучение произведений русской литературы в США в послевоенные годы, стало укоренившееся в 1940–1950-е гг. в американской академической среде литературоведческое направление структуралистского толка – «новая критика», отнюдь не способствовавшая ее глубокому и верному освоению, поскольку русская литература XIX и XX вв. в суровых условиях российской жизни всегда выступала на стороне «униженных и оскорбленных» и стала единственным общественным институтом и своеобразной трибуной, где открыто выражались демократические запросы, насущные проблемы, думы и чаяния прогрессивно настроенной интеллигенции, как и части аристократии, обличавших деспотизм правящих классов и стремившихся в какой-то мере улучшить бедственное положение русского народа.

«Новая критика» ("new criticism") зародилась в США еще в период Первой мировой войны как реакция на кризис либерального викторианского литературоведения конца XIX – начала XX в. Она активно выступала против основных критических направлений исследования литературы второй половины XIX в.: позитивизма, культурно-исторической школы, а также импрессионистической критики. «Новые критики» полностью отрицали тот факт, что литературное творчество опосредованно связано с экономическими, социальными и политическими условиями жизни людей и, будучи продуктом индивидуального сознания, может и должно быть рассмотрено сквозь призму биографии и психологии автора.

Поэтому в основу критического исследования ими был положен изолированно взятый текст, значение которого, по их мнению, могло быть понято и оценено лишь путем тщательного изучения его внутренней структуры, принципов его организации, поэтической образности.

Предтечей «новой критики» в США был Дж.Э. Спингарн, который в пророческой по своему названию лекции «Новая критика» (2011 г.) почти дословно пересказал основные положения работы итальянского филолога Б. Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902 г.), при этом отнюдь не отрицая влияния работ мэтра и даже считая себя его учеником. По мнению Спингарна, импрессионистический критик постоянно отстраняется от художественного произведения, переключая внимание на себя, на свои чувства, переживания и эмоции. Культурно-исторический метод, по его мнению, уводит читателя от самого произведения искусства в поисках среды, эпохи, социальной принадлежности, поэтической школы. Как считал сам Кроче, произведение искусства – это всего лишь чистый феномен сознания, который напрямую относится к сфере духовной энергии человека.

В 1930–1940-е гг. в США о новом критическом направлении были написаны следующие основные теоретические работы: Ransom J.C. *The New Criticism*. Norfolk, 1941; Tate A. *Reactionary Essays on Poetry and Ideas*. London, 1936 (своео-

бразное название которой можно перевести как «Новый подход к поэзии как противодействие общепринятому. Очерки»); *Understanding Poetry* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1938; *Understanding Fiction* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1943. Так была реализована идея американского теоретика Дж.К. Рэнсома о создании цеха или корпорации критиков, которые общими усилиями сделали бы критику своей профессиональной деятельностью, сосредоточив ее в университетах и введя как обязательную дисциплину в лекционные курсы. Положительным аспектом научной деятельности «новой критики» стало углубленное изучение формы литературного произведения, которое достигло своего апогея в XX в. и продолжает успешно развиваться и в наши дни.

В 1920–1930-е гг. «новая критика» обрела и свои печатные органы, вначале в Великобритании: журналы “*The Criterion*” (1922–1939; гл. ред. Т.С. Элиот), “*Scrutinity*” (1932–1953; во главе с Ф.Р. Ливисом), а затем и в США: журналы “*Southern Review*” (1935–1942; гл. ред. К. Брукс, Р.П. Уоррен), “*Kenyon Review*” (1938–1959; гл. ред. Дж.К. Рэнсом), “*Sewanee Review*” (1944–1945; гл. ред. А. Тейт). Благодаря этим изданиям, объединяющим и в значительной степени стимулирующим неокритиков, к концу 1940-х гг. число подобных исследователей сильно выросло, и появились новые имена: Р.П. Блекмур, К. Берк, Р. Уэллек, У.К. Уимсет, А. Уинтерс. В 1950-е гг. «новая критика» становится главным академическим направлением в литературоведении США. Не случайно В. Набоков, создавая в 1940–1950-е гг. свои научно-исследовательские работы о творчестве Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина и многих других писателей, как русских, так и зарубежных, в первую очередь ориентировался именно на нее, хотя и приносил в академические труды свое постмодернистское видение сути художественного произведения, при этом оказывая определенное влияние как на современных ему американских литературоведов, так и на слушателей своих лекций.

Официальное учреждение «новой критики» в университетах и колледжах США началось именно в 1940–1950-е гг., поскольку Дж.К. Рэнсом, К. Брукс, Р.П. Уоррен и другие их единомышленники, в том числе и В. Набоков, активно вели там свою преподавательскую деятельность. В конце 1940-х и в 1950-е гг. издаются крупнейшие теоретические работы: «Теория литературы» (1949) Р. Уэллека и О. Уоррена, «Словесная икона» (1954) У.К. Уимсета, «Новые защитники поэзии» (1956) М. Кригера, «Литературная критика: краткая история» (1957) К. Брукса и У.К. Уимсета.

Общим и основным положением «новой критики» является «пристальное прочтение» (“close-reading”), т. е. замкнутое, изолированное от внешних факторов скрупулезное исследование текста как постижение его «способа существования» (“mode of existence”), его структуры и художественной фактуры. В поэзии это ритм, метр, эвфония; в прозе – «пространственная форма» (“spatial form”), «точка зрения» (“point of view”), в драме – сценическая организация материала и т. д. По их мнению, структура произведения может существовать как особая организация образов, символов и предстать даже в форме мифа, что говорит о несомненном влиянии на них постулатов мифологической критики, подробнее о которой будет сказано ниже.

Таким образом, адепты «новой критики» рассматривают произведение искусства как автономный объект, не несущий никакого сообщения или послания (“message”); он существует независимо от художника, как «брошь от ювелира», и имеет свою органичную и целостную структуру. Обладая онтологическим ста-

тусом, произведение существует в разных структурных вариантах «органической формы» (“organic form”), посредством которой оно предоставляет уникальное знание о мире, если исследователь познает его структуру, т. е. при помощи структурного анализа отыскивает способ ее существования, который находится в органическом центре», где происходит слияние формы и содержания.

В этих постулатах явно просматриваются идеи, навеянные «новым критикам» структуралистами 1920-х гг. Так, например, крупнейший теоретик «новой критики» Р. Уэллек (1903–1995), чех по национальности, гражданин США с 1946 г., закончил Пражский университет в 1926 г., а затем в 1930–1935 гг. работал там приват-доцентом и одновременно являлся членом Пражского лингвистического кружка, где он испытал сильное влияние идей чешского структуралиста Я. Мукаржовского. В США, увлекшись «новой критикой», возвратился к своим прежним идеям и совместно с О. Уорреном в 1949 г. выпустил монографию «Теория литературы» – итоговый документ эволюции «новой критики». Он выступил в ней как сторонник «внутреннего» микроанализа словесных структур художественного произведения (принцип «пристального прочтения») и выразил свое негативное отношение ко всем «внешним» способам исследования: культурно-историческому, биографическому, социологическому и другим подходам¹. В дальнейшем, исследуя произведения Достоевского и Чехова в трудах «Достоевский: собрание критических статей» (1962), «Чехов, новые перспективы» (1984) он выступает как оппонент-теоретик искусству реализма. Особой критике им подверглось понятие «социальный тип», воплощающее связь искусства с действительностью, так как оно противоречило представлениям Уэллека о необходимости отрыва искусства от действительности. В 1969 г., отдавая дань своим коллегам и единомышленникам, он выпустил монографию о чешских структуралистах – «Литературная теория и эстетика Пражского лингвистического кружка».

После Второй мировой войны идеи «новой критики» охотно воспринимаются молодыми учеными – вторым и даже третьим поколением ее адептов. В то же время представители старшего поколения начинают постепенно выходить за пределы теоретических постулатов созданной ими школы. Так, Т.С. Элиот написал целую серию социально ориентированных литературно-критических работ; Ф.Р. Ливис стал известным культурологом, А. Уинтерс погрузился в изучение морально-этических проблем. В 1950–1960-е гг. «новая критика» выступает уже в тесном эклектическом единстве с такими академическими направлениями, как мифологическая и экзистенциальная критика.

Мифологическая критика (“myth criticism”) – довольно влиятельное направление в англо-американском литературоведении XX в. Ее именуют также «ритуальной» (ritual; под этим названием она зародилась в Англии), или «архетипной» (archetype), критикой, распространенной в США и связанной уже с концепцией Юнга. Мифологическая критика – это оригинальная литературоведческая методология, основанная на новейших учениях о мифе как не только историческом источнике художественного творчества, но и своеобразном генераторе идей и образов современной литературы. Например, творчество писателей-модернистов, по мнению ее адептов, есть возвращение к мифу: имеется в виду целостное восприятие модернистами мира и его художественное моделирование. Надо сказать, что и известные отечественные ученые С. Аверинцев, Г. Косиков признали важ-

¹ Подробнее об этом см.: Ильин И.П., Соколова Е.В. Уэллек Рене // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 415–416.

ность идей Юнга об архетипе: тот попытался решить малоизученную проблему литературы – репродукцию в ней константных тем и образов в их исторически обусловленных вариантах. В коллективном бессознательном, производным которого является архетип, по его мнению, заключена мудрость и ценность человеческого опыта, который передается именно благодаря последнему: именно мифы создали образы, которые затем превратились в архетипы.

Зародившись в Англии, современная мифологическая критика получила распространение в США начиная с 1940-х гг. благодаря своему плюрализму, с опорой на теоретические работы Чейза, Фрая, исследования мифа М. Элиаде и открыла широкие возможности скорее для творческой, чем для строго научной критики, чему способствовало и отсутствие строго научной концепции мифа¹.

К 1970-м гг. «новая критика»² перестает восприниматься как оригинальная школа, порождающая новые идеи и методы, и утрачивает свое лидирующее положение в литературоведении США, которое она занимала свыше пятидесяти лет благодаря тому, что являлась единственным критическим методом, обучение которому в течение полувека входило в обязательный курс программы американских университетов.

Действенную конкуренцию «новой критике» в американских университетах составил культурно-исторический подход к явлениям отечественной литературы, который практиковался представителями русской эмиграции, а возникшая в 1960-е гг. разрядка международной напряженности (*Détant*) после Карибского кризиса 1962 г., поставившего мир на грань ядерной войны, весьма способствовала расширению научных и творческих контактов благодаря подписанию двусторонних Межправительственных соглашений о научных обменах между США и СССР, куда начиная с 1960-х гг. устремились многочисленные стажеры и специалисты по гуманитарным областям знаний, которым была предоставлена возможность заниматься своей темой исследования под руководством ведущих отечественных специалистов в данной области сроком от четырех до десяти месяцев, причем с официальным разрешением для посещения Центральных государственных архивов: ЦГАОР, ЦГАДА, ЦГАЛИ и др.

Окунувшись в отечественную научно-исследовательскую атмосферу, американские стажеры стали постепенно отходить от навязываемых им на родине многих стереотипов восприятия России и русской литературы, в том числе особенно активно насаждавшихся в 1950–1960-е гг. американскими советологами, которые начинают также утрачивать свое лидирующее положение в 1970–1980-е гг.

Для начала отметим, что характерной «структурной» тенденцией современной западной советологии являлся процесс взаимопроникновения и в какой-то мере сращивания англоязычных исследований по русской советской литературе. Дело в том, что советологи Англии, Канады, США и других стран «творили» не изолированно: их силы были сосредоточены вокруг одних и тех же советологических журналов (“*Slavic Review*”, “*The Russian Review*”, “*Partisan Review*”, “*Problems of Communism*”, “*New York Times Review of Books*” и др.), они проходили стажировку в соседних англоязычных странах, сотрудничали в процессе подготовки научных исследований. Часто, по тем или иным причинам, они покидали свою страну и находили работу в соседней англоязычной стране. А некоторые исследователи

¹ Подробнее об этом см.: Козлов А.С. Мифологическая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. С. 258–262.

² Подробнее об этом см.: Цурганова Е.А. Новая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. С. 287–291.

из стран с малораспространенными «редкими» языками (например, Швеции, Дании и др.) писали на английском языке и зачастую разделяли взгляды советологов.

Некоторые советологи предпочитали печататься не у себя на родине, а за рубежом – в другой англоязычной стране. Так, например, канадский советолог Б. Томпсон постоянно печатался в Англии: его книги – это своеобразный экспорт канадской советологии в Европу. Характерно, что на каждую выходящую книгу советологов довольно оперативно писались рецензии, причем вне зависимости от национальной принадлежности особенно доставалось тем, кто отступал от привычных канонов советологии. Таким образом, происходил процесс диффузии национальных советологий, причем не только англоязычных стран, но и их северных соседей. Складывалась некая советологическая общность, тон в которой все же задавали американцы.

В начале 1970-х гг. в связи с потеплением международной обстановки стан советологов на какое-то время как будто начал утрачивать свою монолитность. Даже в советологических журналах стали раздаваться протесты против откровенно тенденциозного метода интерпретации произведений советской литературы. Так, в журнале “Russian Literature Triquarterly” (1972. № 1) была напечатана специально посвященная этой проблеме статья Присциллы Мейер, в которой она отметила, что в сочинениях советологов полностью и безраздельно господствует политический подход, исключающий анализ произведений советской литературы в их художественном качестве, что сам отбор материала определяется сугубо политическими соображениями. В следующем номере журнала было проведено обсуждение этой статьи, но, как и следовало ожидать, никакого качественного поворота в «советологическом литературоведении» не произошло: политическая тенденциозность осталась как ведущая линия, хотя некоторые советологи предложили «расцветить» ее наблюдениями в духе формалистически понимаемой поэтики. Советологи остались советологами. Но само возникновение спора в их среде свидетельствовало об их временной растерянности, об осознании отдельными деятелями «советологического фронта» того застоя, к которому приводит постоянное повторение одних и тех же сомнительных аргументов, шаблонно-тенденциозных методов анализа и оценки.

Так, 9 октября 1974 г. в «Литературной газете» было опубликовано интервью с директором Русского института при Колумбийском университете Уильямом Харкинсоном, который заявил, что роль советологии «уменьшается в результате разрядки и улучшения отношений между нашими странами. В той мере, в какой советология была инструментом или оружием практической полемики, она была откровенно антикоммунистической». Он призвал своих коллег поменьше уделять внимание советологии и побольше – объективным исследованиям¹.

Об очевидной стагнации свидетельствовал выпущенный в 1973 г. сборник статей «Главные советские писатели»² под редакцией известного американского советолога Эдварда Брауна, который в то время считался в США «советологом № 1».

В этом сборнике, как в капле воды, отразились основные тенденции американской советологии на том этапе, ее программа. Так, во вступительной статье к сборнику Э. Браун пишет, что в него включены работы, посвященные исследованию собственно художественных произведений советских авторов, а не их

¹ См.: Литературная газета. 1974. 9 окт. С. 9.

² Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford; N.Y.: Stanford Univ., Oxford Univ. Press, 1973.

биографий, советской истории или политики. По мнению Брауна, это является новым подходом к изучению советской литературы, ориентирующимся именно на анализ литературных достоинств произведения. Хотя программа эта далеко не последовательно выполнялась составителем сборника, она во всяком случае еще раз подтверждала очевидный факт, что советология к началу 1970-х гг. зашла в тупик и ее наиболее дальновидные идеологи поняли необходимость перестройки в тогдашних условиях разрядки. По-видимому, этим и объяснялось включение в сборник статей советских писателей и критиков (правда, написанных в основном в 1920-е гг.): К. Чуковского «Ахматова и Маяковский» (1920), В. Маяковского «В.В. Хлебников» (1922), отрывка из статьи Ю. Тынянова «Промежуток» (1923), посвященной анализу творчества В. Хлебникова, и статьи В. Шкловского «Исаак Бабель» (1924).

Кто же, однако, сами эти «главные советские писатели»? Советологи для наглядности даже составили специальную шкалу ценностей. Так, В. Марков в статье, отрывок из которой цитируется в сборнике, считает, например, что С. Есенин всего лишь поэт «для массовой публики» (помещен в самом низу шкалы), Б. Пастернак находится где-то посередине, а на вершине – О. Мандельштам, доступный только «литературной элите» «поэт для немногих»¹.

Характерно, что Мандельштам до конца 1960-х годов² был почти неизвестен в США даже среди специалистов. То, что он был вынесен «на вершину шкалы», лишний раз доказывает, что американские советологи стремились сознательно регулировать интерес широкой публики и молодых исследователей, начинающих изучение русской советской литературы. В статье «Читая Мандельштама» Кларенс Браун называет его «мастером изображения пустоты и молчания», подчеркивает «элегантность формы» его произведений, в частности «Египетской марки»³. Специально анализу этого произведения Мандельштама посвящена монография Дафны М. Уэст, вышедшая в Англии в 1980 г.⁴ В работе Уэст явно переоцениваются литературные достоинства «Египетской марки» как некоего важного вклада в модернистскую прозу 1920-х гг. Исследовательницу привлекают запутанность, усложненность формы этого «намеренно сюрреалистического» произведения, его модернистская поэтика.

К числу «наиболее важных» поэтов XX в. Э. Браун относит и Б. Пастернака, который также был почти неизвестен на Западе, пока там в 1958 г. не был опубликован его роман «Доктор Живаго». После этого в США появились многочисленные работы о нем и о его творчестве. Анализ романа «Доктор Живаго» дан и в помещенной в сборнике статье Э. Баумана «Постскрипtum о Пастернаке»⁵. Как и в большинстве «советологических» публикаций о Пастернаке, методология автора отчетливо тенденциозна: «исследование» посвящено не столько роману, сколько политическим – разумеется, антисоветским – рассуждениям автора «вокруг» романа.

Среди величайших поэтических гениев «современности и даже всех времен» Э. Браун числит В. Хлебникова⁶. Не случайно его творчеству отведено три статьи

¹ Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 146.

² В конце 1960-х гг. в США было выпущено собрание сочинений О. Мандельштама в 3-х томах: *Mandelstam O. Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve & B.A. Filippov. N.Y., 1967.*

³ *Brown C. On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 149.*

⁴ *West D.M. Mandelstam: the Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 10. Birmingham, 1980.*

⁵ *Bowman E. Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 138–145.*

⁶ Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. VI.

в сборнике: оно пользуется особым вниманием советологов. В 1970-е – начале 1980-х гг. в США вышел целый ряд специальных работ, посвященных творчеству Хлебникова и футуристов.

Так, в 1976 г. была издана монография Вагана Барушьяна «Русский кубофутуризм 1910–1930: анализ авангардизма»¹. Рассматривая в отдельных главах творчество В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка, А. Крученых и В. Каменского, деятельность «Лефа», Барушьян в двух последних главах демонстративно сближает русских футуристов с итальянскими футуристами и французскими сюрреалистами. А девятый номер выходящего в Амстердаме журнала «Русская литература» за 1981 г. был целиком посвящен творчеству В. Хлебникова. Там помещены статьи молодых американских исследователей: Г. Барана, Р. Вроона, Б. Лённквист – автора монографии «Хлебников и карнавал. Исследование стихотворения “Поэт”»².

Следует отметить, что позиции исследователей уязвимы с методологической точки зрения. Например, в статье «“Хаджи-Тархан” Велимира Хлебникова и ломоносовская традиция»³ Вроон сочетает компаративистский и структуралистский принципы анализа, что приводит к явным натяжкам в толковании творчества поэта. Сопоставляя поэму «Хаджи-Тархан» с одами Ломоносова, В. Вроон рассматривает ее как трансформацию панегирической оды, считая, что «нанизывание» (термин Р. Якобсона) в поэме не вытекающих одного из другого мотивов, группирующихся по принципу формального сходства или контраста, можно отождествить с алогическим структурным построением классической оды.

Напомним, что подобная точка зрения высказывалась в 1920-е гг. отечественным литературоведом Ю. Тыняновым, который в статье «Промежуток» писал: «Стиховой культуре XIX в. Хлебников противопоставляет принципы построения, которые во многом близки ломоносовским»⁴. Но тот же Тынянов тремя годами позже в статье «О литературной эволюции» предупреждал: «Вырывать из системы отдельные элементы и соотносить их вне системы, т. е. без их конструктивной функции, с подобным рядом других систем неправильно»⁵. Тынянов не мог не чувствовать однолинейности и парадоксальности подобных сравнений и уже в девятой главе статьи «Промежуток» признавался: «Не хочется к живым людям прицеплять исторические ярлыки. Маяковского сравнивают с Некрасовым. (Сам я нагрешил еще больше, сравнил его с Державиным, а Хлебникова – с Ломоносовым.)»⁶.

Особенно отчетливо идеологическая тенденциозность советологов проявилась при их обращении к творчеству Маяковского. Так, в книге «Маяковский. Поэт и революция»⁷ Э. Браун попытался представить основателя социалистического реализма в поэзии как одинокую, страдающую личность, отчужденную от читателя и не понятую им, как «жертву» революции, как художника, «разменявшего» свой поэтический талант на мелкие, недостойные поэзии темы.

¹ *Barooshian V.D.* Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd print. The Hague, Paris; Mouton, 1976.

² *Lönquist B.* Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979.

³ *Vroon R.* Velimir Chlebnikov’s “Chadži Tarchan” and the Lomonosovian Tradition – Russ. litt. Amsterdam, 1981. P. 107–131.

⁴ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 182.

⁵ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 273.

⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 186–187.

⁷ *Brown E.* Mayakovsky. A Poet in the Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1979.

В конце 1970-х гг. в США вышло несколько книг, посвященных творчеству Маяковского. Наиболее скандальную известность даже среди «советологов» приобрела изданная в Нью-Йорке в 1979 г. книга супругов Чартерс (как сразу же выяснилось, бесконечно далеких от знакомства с проблемами русской советской литературы и творчеством Маяковского) «Я люблю: история взаимоотношений Владимира Маяковского и Лили Брик»¹. О каком-либо научном подходе в этой книге говорить не приходится: ее содержание составляют интимные «признания» Лили Брик, якобы сделанные ею супругам Чартерс в Москве и Переделкине в 1972–1974 гг. Эта книга вызвала уничижительные отклики даже у советологов. Так, Э. Браун в рецензии на книгу Чартерсов писал: «Чем меньше будет сказано об этой книге, тем лучше. В ней говорится об истории взаимоотношений Маяковского и Лили Брик без какого-либо внутреннего проникновения в нее. К сожалению, эти два человека мертвы и не могут защитить себя»². Он также отметил многочисленные филологические ошибки авторов³. Отрицательно оценил книгу Чартерсов и Кларенс Браун, который в рецензии, помещенной в “New York Times Book Review”, назвал ее «отвратительной», «хаотически документированной», «лишенной какого-либо внутреннего анализа»⁴. Американский критик Гордон Мак-Вэй констатировал, что «попытки авторов проанализировать такие сложные вопросы, как футуризм, поэзия Маяковского, а также литературную и политическую ситуацию в России несостоятельны и некомпетентны»⁵.

Надо, однако, заметить, что помимо всего прочего книга Чартерсов проникнута фрейдизмом самого дешевого толка; подобная тенденция также была распространена в работах советологов, проникая и в более «состоятельные» исследования, в том числе и самого Г. Мак-Вэя, критиковавшего Чартерсов. Он выпустил о С. Есенине две книги биографического характера: «Жизнь Есенина»⁶ и «Айседора и Есенин»⁷. В них представлен обширный фактический материал: многочисленные выдержки из писем, воспоминаний (письменных и устных) современников С. Есенина и А. Дункан. Мак-Вэй бывал в СССР, пользовался материалами государственных архивов СССР, отделов рукописей библиотек и музеев Москвы и Ленинграда, встречался с людьми, близко знавшими Есенина. По мнению советских и американских критиков, первая книга является наиболее полной из имеющихся биографий о Есенине. Однако при всей кажущейся «объективности» повествования Г. Мак-Вэй постоянно заостряет внимание на всевозможных подробностях интимного или нарочито скандального толка, носящих фрейдистский оттенок с уклоном в сексопато-

¹ *Charters A. and S. I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik*. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1979.

² *The Russian Review*. 1980. April. Vol. 39. № 2. P. 267–268.

³ *The Russian Review*. 1980. April. Vol. 39. № 2. P. 268.

⁴ Там же.

⁵ *Slavic Review*. 1982. Spring. P. 175. «Несостоятельность и некомпетентность» были отнюдь не редкостью в публикациях американских исследователей тех лет. В 1980 г. в издательстве «Ардис» вышла «Фотобиография» Марины Цветаевой с предисловием Карла Проффера, директора этого издательства (*Tsvetaeva M. Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor: Ardis, 1980*). Основу этой книги составляет биография М. Цветаевой, снабженная большим количеством фотографий. А предисловие и подписи под фотографиями изобилуют многочисленными ошибками. Отрицательная рецензия Евы Вайтинс на это издание была напечатана в журнале “*Slavic Review*” в 1982 г. (*Vitins J. Rec. // Slavic Review*. 1982. Spring. P. 176–177). Она отметила как ошибки, так и недостаток вкуса у издателей книги.

⁶ *Mc Vay G. Esenin: A Life*. Ann Arbor: Ardis, 1976.

⁷ *Mc Vay G. Isadora & Esenin*. Ann Arbor (Michigan): Ardis, 1980.

логию и призванных создать рассчитанную на определенный вкус дешевую сенсацию. А последние страницы книги «Айседора и Есенин» проникнуты чистейшим иррационализмом и мистикой, что также является данью модным тенденциям современной западной буржуазной идеологии.

Таким образом, и в книгах Г. Мак-Вэя о С. Есенине присутствуют элементы фрейдистского подхода, на мутной волне которого всплыла упоминавшаяся выше «советологическая» книга Чартерсов о Маяковском. И это в целом не просто дань моде. И в том и в другом случае подобный подход рассчитан на то, чтобы снизить авторитет поэтов, пользующихся в нашей стране всенародной любовью и признанием, принизить значение их личности, а зачастую и творчества.

Приведенные нами выше примеры со всей очевидностью демонстрируют откровенное стремление советологов представить в качестве эталона «элитарную», по их формуле, поэзию О. Мандельштама, В. Хлебникова, Б. Пастернака, М. Цветаевой и других поэтов, противопоставить ее, например, гражданской, исполненной революционным пафосом поэзии В. Маяковского.

Что касается советской прозы, то «главными советскими писателями» в сборнике Э. Брауна оказываются Е. Замятин, которому посвящены две статьи сборника, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель. И здесь также налицо тенденция, характерная и для предыдущих этапов развития «советологического литературоведения» в США: выдвигание на первый план писателей, далеких от основного направления развития советской литературы в те годы, не понявших или не принявших Октябрьской революции, – и замалчивание или принижение писателей открыто гражданственного пафоса, наиболее тесно связанных с Октябрьской революцией, таких как А. Серафимович, А. Макаренко, Н. Островский и др.

Так, в статье Ричарда Грега о Е. Замятине, помещенной в сборнике Э. Брауна, делается попытка сопоставить «пророческое», по выражению автора, произведение Е. Замятина «Мы» не только с библейскими мифами, но и с «Записками из мертвого дома» и «Братьями Карамазовыми» Достоевского, а также с «антиутопическими» романами английских писателей О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Сопоставление с Достоевским призвано придать роману Замятина масштабность классики, а сопоставление с Хаксли и Оруэллом – акцентировать его антисоветскую направленность. Последняя операция была уже ранее проделана Э. Брауном в 1976 г.¹ В своей книге он однозначно квалифицировал роман Е. Замятина «Мы» как сатиру, направленную против «русского коллективизма», – и как бы забыл о том немаловажном обстоятельстве, что и этот роман, и повесть Замятина «Островитяне» (1918), которую сам Э. Браун называет «предварительным наброском романа», были написаны под непосредственным влиянием негативных впечатлений от буржуазной Англии, где Е. Замятин оказался во время Первой мировой войны.

Что касается романа Дж. Оруэлла «1984», изобразившего тоталитарное государство, где живут люди-роботы, то нарастание подобных тенденций было характерно для современной действительности, и именно на ее материале Оруэлл создавал свою «антиутопию»², не случайно опираясь на роман Замятина.

¹ *Brown E. Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor: Ardis, 1976. P. 38.*

² Стоит напомнить также, что в 1978 г. в Лондоне вышла нашумевшая затем на Западе книга Э. Берджеса «1985» (*Burgess A. 1985. London: Hutchinson, 1978*), название которой подчеркивает непосредственную связь с книгой Дж. Оруэлла. Во многом, как и Оруэлл, искажая социалистическую идею как таковую, Берджес, однако, в то же время доказывал, что действительность, которая послужила прообразом для романа Оруэлла, – это послевоенный Лондон, его «сатирическая

Как бы то ни было, особенно показателен тот факт, что, при столь пристальном «монографическом» анализе Замятина или Пильняка, романы известных советских писателей, например лауреата Нобелевской премии М. Шолохова, Л. Леонова, А.Н. Толстого, Н. Островского разбираются лишь в одной статье сборника – статье Руфуса Мэтьюсона, представляющей отрывок из его книги «Положительный герой русской литературы»¹.

Р. Мэтьюсон создает свою «шкалу ценностей», безапелляционно поместив в самый ее низ роман Н. Островского «Как закалялась сталь», причем позволив себе ряд недостойных для настоящего ученого выпадов против самого автора. Оказывается, главный его недостаток в беззаветной преданности Павла Корчагина делу партии и народа, в том, что понятия «счастье» и «борьба» для него равнозначны. Для Р. Мэтьюсона этот герой – надуманный, наивный. Он не верит, что такой человек может существовать в жизни, хотя прототипом главного героя являлся сам автор романа. В жизни молодого советского государства подобный герой был не только не единственным в своем роде, но и типичным. Тысячи молодых юношей и девушек участвовали в гражданской войне, а потом своими руками восстанавливали заводы и железные дороги. Именно благодаря массовому героизму наша страна вырвалась из тисков голода и разрухи, превратилась в мощную индустриальную державу, выстояла и победила в войне с фашизмом.

Характерно, что молодой английский ученый Дж. Хоскинг в книге «За пределами социалистического реализма»² упрекает своих западных коллег в недооценке сущности социалистического реализма и противопоставляет их измышлениям реальный факт – популярность советской литературы у широких читательских кругов в СССР. Если произведения социалистического реализма, например роман Н. Островского «Как закалялась сталь», не имеют никакой ценности, спрашивает он, то почему же тогда советские люди в блокадном Ленинграде вставали в очередь, чтобы купить эту книгу? Необходимо отметить, что этот роман очень хорошо известен и до сих пор переиздается в Китае и Вьетнаме, имеет там миллионы почитателей. При этом он был написан в 1927 г., за несколько лет до провозглашения метода социалистического реализма на I Съезде советских писателей.

Дж. Хоскинг пытается самостоятельно разобраться в некоторых проблемах, которые «советологи» считают для себя давно уже «решенными». Так, в первой главе своей книги, озаглавленной «Традиция социалистического реализма», он подробно разбирает содержание этого термина, пять его признаков, широко цитируя работы советских литературоведов и критиков, в частности помещая в этой главе отрывок из речи А.А. Жданова на I Съезде Союза советских писателей в 1934 г., а также большую цитату из книги известного отечественного исследователя А. Овчаренко³.

транскрипция», откуда Оруэлл воспринял и перенес в роман практику «организованной ненависти». Берджес вступил в полемику с теми истолкователями романа «1984», которые рассматривали его как сатиру на реально существующее социалистическое общество. По мысли Берджеса, это скорее сатира на «британский социализм». Берджес подчеркнул, что ряд подмеченных в книге Оруэлла негативных тенденций общественного развития так или иначе проявляется в современных развитых капиталистических странах.

¹ *Mathewson R.W.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978

² *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. London, 1980.

³ См.: *Овчаренко А.* Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 200.

В результате Дж. Хоскинг сделал нежелательный для советологов объективный вывод, против которого они сразу же ополчились: социалистический реализм с самого начала был создан на практике, в творчестве писателей 1920-х гг. (в качестве примера он приводит романы «Цемент» Ф. Гладкова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, первую часть «Тихого Дона» М. Шолохова). Но с точки зрения англо-американских советологов он был якобы навязан писателям по декрету свыше. Дж. Хоскинг считает, что западные советологи сознательно выбирали наименее удачные произведения социалистического реализма, тем самым умаляя его достижения, и что после 1953 г. в советской литературе произошло не размывание, а укрепление социалистического реализма. Таким образом, некоторые существенные выводы Дж. Хоскинга довольно сильно отличаются от привычных стереотипов советологии.

В те годы в советологических журналах “Russian Review” или “Slavic Review” все чаще можно было встретить раздраженную рецензию на книгу или статью того или иного молодого английского, американского или канадского ученого, идущую вразрез с представлениями советологов. Так, молодой канадский ученый Дж. Харьян выпустил книгу, посвященную творчеству Л. Леонова¹. Через год после ее выхода в свет в журнале “Slavic Review” появилась резко отрицательная рецензия на нее канадского советолога Б. Томпсона².

Б. Томпсон безапелляционно заявляет, что, во-первых, Л. Леонов не относится к числу тех писателей, о которых следует писать монографии; во-вторых, по содержанию эта книга похожа на те, которые издаются в СССР. Например, пишет Б. Томпсон, Дж. Харьян считает, что патриотизм и оптимизм определяют ценность художественного произведения, с чем он не согласен. Его возмущает, что в библиографии слишком много работ советских авторов и литературоведов социалистических стран (в ущерб исследованиям советологов). Эта книга, раздраженно заключает рецензент, как будто переведена с русского языка, настолько сильно она отличается и по выбору предмета, и по характеру своего критического подхода от «произведений» советологов.

Необходимо отметить, что в 1970-е гг. на десятки языков были переведены произведения многих советских авторов: Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Г. Бакланова, В. Белова, В. Быкова, С. Залыгина, Г. Маркова, П. Проскурина, В. Распутина, К. Симонова, З. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина и других; за рубежом были изданы антологии и сборники советской поэзии, прозы и драматургии.

В США в конце 1970-х гг. публиковались произведения В. Шукшина, Б. Окуждавы, В. Распутина, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, Ю. Бондарева. Однако в начале 1980-х гг. в связи с усилением идеологической борьбы американские советологи затратили немало усилий, чтобы охладить интерес американской общественности к литературе и искусству СССР. Многие американские издательства блокировали дорогу произведениям советской литературы к американскому читателю. В результате объем переводов советской литературы в США резко сократился: в 1980-е гг. были переведены и опубликованы лишь рассказы А. Платонова, а из современных произведений – повести И. Грековой, романы Ф. Абрамова, Ф. Искандера и А. Рыбакова. Целенаправленный характер издательской практики был очевиден для самих деятелей культуры США. Так, известная американская писательница и критик Джойс Кэрролл Оутс после беседы с группой советских писателей, участвовавших в двухсторонней встрече с американскими коллегами, отправила письмо директору издательства «Ардис» К. Профферу, в котором выразила свое

¹ Harjan G. Leonid Leoniv. A Critical Study. Toronto: Arowhene Publishing Co., 1979.

² Slavic Review. 1980. Dec. P. 717.

недоумение в связи с тем обстоятельством, что многие современные советские писатели неизвестны читателям США¹.

Наряду с координированием издательской политики в задачи американской «советологии» входила также искаженная, недобросовестная интерпретация советской литературы.

Принижая мировое значение советского искусства, американский советолог М. Фридберг в одной из своих статей утверждал, что произведения советских писателей того времени даже в СССР почти не читают, предпочитая им переводную западную литературу². Тем самым в сознание американцев внедрялось априорно негативное отношение к литературе социалистического реализма³.

Расчет советологов был прост: американский читатель, который и шагу не сделает без рекламы, узнав, что советскую литературу... не читают даже в СССР, предпочитая ей переводы европейской и американской прозы, вряд ли станет искать в книжных магазинах новинки советской литературы, – скорее, он купит какой-нибудь американский бестселлер.

Другой беспрецедентной по своему лицемерию явилась попытка целого ряда англо-американских советологов «закрыть» современную советскую литературу, объявить ее «несуществующей». И американец Деминг Браун в книге «Советская русская литература после смерти Сталина», и англичанин Рональд Хингли в книге «Русские писатели и советское общество. 1917–1978» в один голос утверждают, что термин «советская литература» стал «непригодным», «в сущности, бессмысленным» и надо говорить не о советских, а «о современных русских писателях, проживающих в СССР»⁴, или «о русской литературе в советский период»⁵.

Наиболее часто в работах англо-американских советологов можно было встретить предвзятое, тенденциозное истолкование следующих проблем теории и истории советской литературы: советологические трактовки художественного метода современной советской литературы, ее гуманизма, партийности и народности, темы города и деревни, Великой Отечественной войны, проблемы положительного героя и интернациональной сущности современной советской литературы.

Так, в работах многих советологов начала 1970-х гг. красной нитью проходит тезис о том, что социалистический реализм не художественный метод, а политическая доктрина, инструмент, нивелирующий всякое различие между писателями. Подобная мысль проводится в книге Т. Фрэнкел «Русский художник. Творческая личность в русской культуре»⁶, в антологии «Марксизм и искусство», составленной М. Соломоном⁷, в книге «Литература и идеология в советском образовании» Н. Шнайсмана⁸ и других работах.

¹ The New Republic. 1981. 14 February. P. 32.

² Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev // Problems of Communism. 1983. May – June. P. 53.

³ В качестве контраргумента можно привести научные данные из работы советского критика Ю. Андреева «Массовая культура и культура масс». На основании тщательного изучения социологических трудов, изданных в СССР, исследователь пришел к категорическому заключению: «Наибольший интерес читатели проявляют прежде всего к литературным новинкам, а если говорить шире, к современной советской литературе. До 70–75 процентов читаемой литературы составляет советская... Около 20 процентов читаемой литературы – это книги зарубежных авторов» (Андреев Ю.А. Массовая культура и культура масс // Звезда. 1982. № 7. С. 152).

⁴ Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. P. 1.

⁵ Hingley R. Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. XV.

⁶ Frankel T. The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972.

⁷ Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y., 1973.

⁸ Shneidman N.N. Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington, Mass., 1973.

Д. Браун в своей книге пытается создать ложное, превратное представление о художественном методе советских писателей. Он утверждает, что социалистический реализм – это, дескать, «узкие ограничения»¹, «запреты» и «заранее предопределенные искажения истины»², что советские писатели пишут чуть ли не под диктовку партии. А советолог Джордж Гибиан называл социалистический реализм «главным официальным жанром», избегая слова «метод»; компаративист Р. Мэтьюсон, смыкаясь с советологами, сводил его смысл на нет, называя «мифическим реализмом» и т. д.

Необходимо отметить, однако, что начиная с 1970-х гг. советология не представляла собой монолитного целого: в ней уже наметились новые тенденции, когда заметно усилилось стремление к объективной и непредвзятой оценке некоторых явлений советской литературы³. В трудах некоторых исследователей проявилось искреннее желание разобраться в сути творческого метода советской литературы.

Так, английский исследователь В. Джеймс при всей тенденциозности и односторонности в освещении многих принципиальных проблем, в частности партийности в художественном творчестве, в то же время верно отмечает, что социалистический реализм зародился в недрах революционного движения в России и связан с марксистско-ленинским пониманием законов развития общества и искусства, с практикой советской литературы⁴. Он критикует советологов за «фрагментарность» и «политическую тенденциозность» их работ, посвященных советской литературе и вопросам социалистического реализма. «...В западном обществе, – пишет критик, – не только отсутствует широкое признание теории социально-политической роли искусства, но это общество, в сущности, враждебно идее о необходимости разработки такой теории»⁵.

В. Джеймс признает новаторский и творческий характер социалистического искусства. В отличие от большинства своих коллег, считающих социалистический реализм «чисто русским» явлением, он рассматривает этот феномен как «выходящий за пределы Советского Союза»⁶. В самом деле, это явление интернациональное, присущее не только многонациональной советской литературе, но и литературам социалистических стран.

Взгляды В. Джеймса сразу же подверглись критике со стороны советолога старшего поколения Г. Свейза, который выразил неприкрытую тревогу в связи с появлением подобной книги, очень близкой, с его точки зрения, «официальным» советским толкованиям социалистического реализма⁷.

В связи с проблемой интернационального характера социалистического реализма необходимо отметить, что в работах «специалистов по национальному вопросу» М. Фридберга и Д. Брауна под видом «заботы» о развитии национальных культур предпринимались настоячивые попытки извратить интернациональный характер современной советской литературы, обвинить ее в «шовинизме», изобразить насильственную «русификацию» национальных литератур.

Стремлением подменить идейно-политическое единство многонациональной советской литературы плюрализмом националистических идеалов проникнут специ-

¹ *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 20.*

² *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 377.*

³ См. об этом: *Борщук В. Поле битвы идей. М., 1983. С. 241.*

⁴ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. London, 1973. P. X–XI.*

⁵ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. P. IX.*

⁶ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. P. 85.*

⁷ *Russian Review. 1974. № 4. P. 444.*

альный выпуск журнала «Обозрение национальных литератур», озаглавленный «Россия: дух национализма»¹. Большинство советологов, чьи работы опубликованы в этом выпуске, проводят идею о том, что русской литературе, начиная с А.С. Пушкина, будто бы присущ «дух национализма», замаскированный понятиями «народность» и «патриотизм». Подобные вымыслы распространялись и на современную им советскую литературу. В частности, Д. Браун усматривал в ней даже несколько «типов» национализма: от «официального национализма» до «национализма разрушительного». Выдвигая тезис о «множественности национализмов», советолог пытался таким образом убедить читателей, что единства советской литературы на основе принципов социалистического реализма не существует.

Когда русскую советскую литературу обвиняют в проведении политики «русификации» по отношению к национальным литературам, то в литературах нерусских народов СССР, естественно, жаждут выискать проявления «борьбы против этой политики». Например, советологи обнаружили «националистические настроения» в творчестве Чингиза Айтматова, произведения которого в действительности насквозь проникнуты идеями интернационализма и братства народов².

Несколько иную позицию в этом вопросе занимал Д. Браун, что весьма любопытно. По его мнению, тезис о том, что в СССР в ходе исторического развития создана единая советская многонациональная литература, охватывающая все нации и народности нашей страны, включая языковые группы и этнические меньшинства, – выдумка, ибо «почти все, что есть примечательного в советской литературе, написано на русском языке»³.

Таким образом, перед нами откровенно беспринципное манипулирование концепциями в зависимости от потребности текущего момента или тематики публикации.

В интерпретации М. Фридберга подлинной трагедией предстает факт двуязычия отдельных писателей из национальных республик. Свой мрачный прогноз о том, что число писателей, пишущих на двух языках, в будущем возрастет, он обосновывал тем, что владение литературным русским языком в СССР необходимо для «получения литературной известности»⁴. Критик явно искажил реальную картину литературной жизни в СССР: скрыл факты о масштабах переводческой деятельности в нашей стране, о больших тиражах произведений советских писателей, пишущих не на русском языке, о журнале «Дружба народов», об издательствах, специализирующихся на выпуске литературы народов СССР. Однако его интересовала отнюдь не истина.

Весьма распространенной в советологии была тенденция полностью отрывать творчество отдельных советских писателей от эстетики социалистического реализма. При этом достижения советской литературы, в частности произведения писателей «деревенской» и «городской» прозы, интерпретировались лишь как творческие успехи некоторых талантливых художников слова, якобы сумевших «преодолеть ограниченность метода» социалистического реализма.

¹ Russia: the Spirit of Nationalism // Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.

² Высказывание самого Ч. Айтматова о существовании идейно-эстетической функции национального начала в произведениях советских писателей полностью опровергает мнение «советологов». Он пишет: «...придавая большое значение национальному духу искусства, нельзя считать, что национальное своеобразие играет какую-то наиглавнейшую роль и может служить некоей самоцелью в творчестве художника. Решающее значение для всех национальных литератур имеет развитие их социалистического содержания» (Литературная газета. 1984. № 31. 1 авг. С. 2).

³ Soviet Russian Literature since Stalin. P. 1.

⁴ Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev. P. 63.

Поэтому не случайно первая монография на английском языке о советской литературе 1960–1970-х гг., изданная английским исследователем Дж. Хоскингом, названа «За пределами социалистического реализма»¹.

Эта книга, безусловно, политизирована. Ее автор, будучи в докторантуре, провел весенний семестр 1976 г. в Институте русских исследований при Колумбийском университете (США). Ненапрасными оказались и «бесценные замечания» ведущих американских советологов Катерины Кларк, Деминга Брауна и других, подказавших «новые направления» монографии Дж. Хоскинга². При этом автор книги действительно хорошо владеет материалом исследования: советской литературой он занимался и в период своего пребывания в СССР, был знаком с работами советских критиков. Дж. Хоскинг сосредоточивает внимание на «городской» и в особенности на «деревенской» прозе, представленной именами Ф. Абрамова, С. Залыгина, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина и др. Он справедливо отмечает, что эти писатели стремятся честно и правдиво изобразить советскую жизнь, запечатлеть важные духовные и философские проблемы нашего общества. Подобный подход, на первый взгляд, в корне противостоит советологическим стереотипам оценки советской литературы. Однако это не так. Политическая тенденциозность исследования Дж. Хоскинга, то выплывая на поверхность, то уходя в подтекст, пронизывает всю монографию. Анализируя, в частности, произведения Ф. Абрамова, действие которых происходит во время или сразу после войны, и скорбя по поводу «негуманных повинностей», возложенных в деревне на плечи женщин, стариков и детей, Дж. Хоскинг далек от понимания того, что война с фашизмом была всенародной трагедией, когда решался вопрос «быть или не быть» для всего Советского государства, и что главной задачей Абрамова было изображение героического подвига советского народа в тылу. Этот подвиг писатель приравнивает к подвигу солдат на фронте³.

Дж. Хоскинг «сожалеет» также об «упадке» старых крестьянских традиций в деревне, чувства сплоченности и взаимопомощи. Он пишет, что в более поздних своих произведениях («Пелагея», «Алька») Ф. Абрамов изображает современную зажиточную деревенскую жизнь, в которой этой сплоченности почти не осталось ввиду механизации сельскохозяйственных работ и распространившихся в деревне городских обычаев. Идеино-художественное своеобразие последних произведений Ф. Абрамова исследователь сводит к единственному резюме: благоденствие ставит не менее сложные проблемы, чем бедность⁴.

¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. London, 1980.*

² *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. X.*

³ Сам Федор Абрамов, отвечая читателям на вопрос, почему он, участник Великой Отечественной войны, доброволец Ленинградского ополчения, не написал ни одного произведения о войне, сказал: «Разве непрерывные сражения баб, подростков и стариков в тылу за жизнь, за помощь отцам и братьям, воевавшим на фронте, – разве это не война?»

Давно сказано: страна была единым военным лагерем. И бабья, подростковая и стариковская война в тылу, – а я один из тех, кто всю жизнь писал произведения об этой войне, – была не менее страшной и героической, чем война на фронте.

Да, снаряды не падали, не рвались. Но работа на износ, работа и за себя и за мужиков, ушедших воевать, голод, разутость и раздетость – сколько они унесли баб, стариков, подростков, детей? Кто пытался подсчитать эти жертвы войны?.. Это ли не всенародная трагедия?.. И худо ли, хорошо ли – им, их беспримерной стойкости, их подвигу, их взлетам духа и величайшей трагедии, которая продолжается еще и сегодня (да, да, и сегодня продолжается у нас опустошающая работа войны), я отдал свое перо» (*Абрамов Ф. На ком земля держится. Из архива // Литературная газета. 1985. № 10. 6 марта. С. 7.*)

⁴ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 56.*

Тему «упадка» русской деревни Дж. Хоскинг считает главной и в произведениях В. Белова. Анализируя его рассказ «Не гáривали», он усматривает причину трудностей деревенской жизни не в тяжелых последствиях войны, а в коллективизации и урбанизации деревни. Критик называет В. Белова «политическим писателем»¹ и даже усматривает в его произведениях 1970-х гг. (например, в «Канунах» и в «Плотницких рассказах», поднимающих исторические проблемы русской деревни периода коллективизации) «апологию идей Бухарина и правой оппозиции 1928–1929 гг.»², что явно отдает намеренной тенденциозностью.

Столь же тенденциозен английский критик Филипп Льюис, автор статьи «Деревенская ностальгия в современной литературе»³. Противопоставляя традиции старой русской деревни, ушедшие в небытие, жизни современного колхозного села, автор навязчиво проводит тезис о том, будто все «наиболее русское является наименее советским»⁴. Так он пытается «обосновать» заведомо тенденциозный вывод, что современная советская интеллигенция якобы «отказывается от классового подхода к истории и культуре»⁵. Противопоставляя принцип народности, трактуемый внеисторически и внеклассово, принципу партийности, подобные критики стремились внушить ложное впечатление о том, что принцип народности в произведениях советских писателей утратил свои классовые черты. Народность советского писателя всегда была обусловлена тем, насколько полно он отражал в своем творчестве жизнь и чаяния народа и в какой степени сам он и его творчество принадлежали людям труда.

Так предвзято и искаженно интерпретируются глубоко народные, проникнутые мыслью о бесконечной жизнеспособности народа, о преемственности его исторической памяти произведения В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина.

Советская литература о деревне поднимала важные социальные проблемы, представляющие собой часть проблем развития всего советского общества и привлекавшие к себе особое внимание, поскольку они обнажили острые, но неантагонистические противоречия, разрешения которых потребовала сама жизнь. Сильная сторона этих произведений о деревне заключалась именно в правдивом, неприкрашенном показе происходивших и происходящих в ней эмоционально-психологических и социальных процессов. Изображая с большой степенью достоверности и глубины народные характеры, народную трудовую нравственность, эти писатели выступали против плоскостного нигилистического отношения к духовным богатствам и ценностям трудовой крестьянской жизни, сельской природы. Быть может, иногда они несколько идеализировали патриархальные формы прежнего бытия, как, например, это делает В. Белов в «Ладе». Однако он ратует отнюдь не за реставрацию традиционных форм жизни и культуры прошлого, а за творческое развитие народных традиций. В его произведениях слышен призыв взглянуть на великий и трудный путь, который за несколько десятилетий проделала наша страна, «оком народной памяти». Поэтому нет никаких оснований преувеличивать роль и значение этой черты в творчестве В. Белова, что пытается сделать Дж. Хоскинг, прибегая к преднамеренной и тенденциозной политизации своих выводов.

¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 70.*

² *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 67.*

³ *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // Soviet Studies. Univ. of Glasgo. 1976. Vol. XXVIII. October. № 4.*

⁴ *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature. P. 564.*

⁵ Там же.

В англо-американской советологии был весьма распространен также тезис о том, что гражданская социально-политическая позиция советских писателей якобы мешает им изображать духовный мир человека. Подобную точку зрения высказывают Дж. Гибан в книге «Советские писатели “малого мира”»¹, Н. Натова в статье «Повседневная жизнь и психология личности в русской советской прозе 1970-х годов»² и др.

Глубокое раскрытие характеров героев, как утверждали эти литературоведы, возможно только тогда, когда они изображаются вне связи с общественными проблемами своего времени. Намеренно противопоставляя героев современной им советской литературы героическим образам предыдущих литературных периодов, советологи стремились представить персонажи произведений писателей того времени «обычными, заурядными, хорошими по природе, но слабовольными людьми», неспособными сопротивляться «мелкому злу повседневной жизни»³, лишенными высоких идеалов, замкнутыми в узком бытовом мирке, занятыми только личным благополучием. Так оценивает Н. Натова героев Ю. Трифонова, сводя все его творчество лишь к этому аспекту. Еще более сужает богатое идейно-художественное содержание трифоновских повестей Дж. Хоскинг, усматривая в них главным образом проблему кризиса «среднего возраста». Ю. Трифонов, утверждает он, «предлагает читателю... христианские ценности “другого мира”, бессмертие, любовь к ближнему» и т. д. (анализ повести «Другая жизнь»). Серьезные проблемы нравственного выбора, поднимаемые в творчестве Ю. Трифонова, менее всего интересуют советологов. В произведениях этого писателя Дж. Хоскинг видит даже «разрыв с традицией социалистического реализма», поскольку этот художник слова «концентрирует свое внимание на быте»⁴. При этом совершенно не принимается во внимание мнение самого Ю. Трифонова, который неоднократно писал в советской печати, что он изображает не быт, а обыкновенную жизнь, «испытание жизнью, где проявляется и проверяется новая сегодняшняя нравственность»⁵.

В «городских» повестях Ю. Трифонова анализируются, казалось бы, обычные житейские коллизии, в которых, на первый взгляд, нет ничего крупного, общественно значимого: квартирные проблемы («Обмен»), семейные неурядицы («Предварительные итоги»), любовные связи («Долгое прощание»). Но именно в них художественно убедительно и с полной мерой авторского соучастия показано, как «микросоглашения», мелкие уступки самому себе или обстоятельствам, накапливаясь, ведут в конечном счете к утрате истинно человеческого в людях, к забвению идеалов и ценностей, обретенных в ходе революционной борьбы и десятилетий самоотверженного труда⁶.

Обращаясь к проблеме положительного героя в советской литературе 1960–1970-х гг., Д. Браун и Дж. Хоскинг всерьез заявляют, что и этот герой не имеет

¹ *Gibian G. Soviet Writers of the “Little World”*. Hamilton, Ontario, 1972.

² *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s // Russian Review*. 1974. Vol. 33. October. № 4.

³ *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s*. P. 368.

⁴ *Hosking G. Beyond Socialist Realism*. P. 194.

⁵ *Трифонов Ю.В. Повести*. М., 1978. С. 528.

⁶ Советологи абсолютно не принимали во внимание историко-революционную тему, которая звучит даже в «городских» повестях Ю. Трифонова и которой посвящены его романы «Нетерпение», «Старик», документальное повествование «Отблеск костра», а также последнее эссе писателя «Загадка и провидение Достоевского».

никакого отношения к методу социалистического реализма: он не герой в прямом смысле слова, поскольку «безыдеен и инертен»¹, «абсолютно индифферентен к идеологии»².

Вопрос о положительном герое современной советской прозы непрост. В нашей критике тоже были отдельные выступления, когда Михаила Пряслина (героя Ф. Абрамова) обвиняли в мелком собственничестве, а Ивана Африкановича Дрынова (героя В. Белова) – в пассивности и патриархальности, забывая, что Иван Африканович – депутат местного Совета, участник Великой Отечественной войны: ведь не за свою же пассивность получил он орден Славы? Поставленный перед проблемой нравственного выбора, этот герой всегда действует активно и сознательно. Присуща ему и самокритическая оценка своей личности, своего поведения, отношения к миру. В этом Иван Африканович сходен с Михаилом Пряслиным, о котором на VII Съезде советских писателей Георгий Марков говорил: он «воплощает в себе черты той части коренного слоя крестьянства, который выстоял перед трудностями военного и мирного времени. На таких людях держалась и держится деревня, именно из Пряслиных складываются самые испытанные, самые преданные своему долгу совхозные и колхозные мастера полей и ферм – станова́я сила современной деревни»³. Героиня повести В. Быкова «Знак беды» Степанида Богатко – простая необразованная крестьянская женщина, в прошлом батрачка – после установления Советской власти и в годы колхозного строительства «познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом»⁴. И это позволяет ей активно сопротивляться злу и насилию, которые принесли в мирный хутор фашисты; сцена саможжения героини, избравшей смерть, но не давшейся в руки врагу, – свидетельство стойкости и непреклонности ее духа, глубоко народного характера.

Чрезвычайно показательным, что «военная» тема в советской литературе не привлекала особого внимания англоязычной критики в силу того, что она героична и изображает лучшие черты русского характера, воспитанные в новом обществе. Но и те немногочисленные работы о советской «военной прозе», которые были опубликованы, несут на себе отпечаток предвзятых советологических концепций.

Традиционный интерес русской классической и советской литературы к военной тематике, согласно концепции советологов, обусловлен не обстоятельствами нашей драматической истории, а лишь тактическими соображениями, необходимостью поддерживать у населения постоянную готовность к военным действиям. Произведениям на военную тему отказывали в художественности. В 1973 г. на английском языке вышел восьмой том сравнительной энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество» (“Marxism, Communism and Western Society”), подготовленной американскими и западноевропейскими советологами. Автор одной из статей, К. Аймермахер, сопоставляя советскую прозу о войне с западноевропейской, толкует о «неполноценности» и «старомодности» произведений советских писателей, отсутствию, в них «реалистической достоверности и... эпической цельности»⁵.

¹ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. P. 81.

² *Brown D.* Soviet Russian Literature since Stalin. P. 291.

³ *Марков Г.* Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // Вопросы литературы. 1981. № 8. С. 19–20.

⁴ *Быков В.* Знак беды // Дружба народов. 1983. № 4. С. 109.

⁵ *Eimermacher K.* War Literature // Marxism, Communism and Western Society: A Comparative Encyclopedia / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y., 1972–1973. P. 337.

Критик из Канады Н. Шнайдман, отдавая в какой-то мере должное таланту В. Быкова, охарактеризовал его повести как философские по своей концепции и психологические по природе. Вместе с тем его трактовка повести «Сотников» полностью противоречит идейно-художественному замыслу автора, ибо критик находит некий «позитивный» (позитивный, так сказать, «для себя») момент в исследовании и психологическом анализе характера предателя и обнаруживает даже писательскую «симпатию к тем, кто оказался слишком слабым, чтобы сопротивляться неистовому давлению обстоятельств и хочет любой ценой спасти свою жизнь»¹. В качестве доказательства «апологии» предателя Н. Шнайдман приводит мысль Сотникова о том, что «Рыбак не добрал чего-то как человек и гражданин». Однако это прямая передержка: совершенно ясно, что не об оправдании предательства идет речь у Быкова.

Отметим, что некоторые зарубежные критики зачислили В. Быкова в разряд экзистенциалистов. Они рассуждают о «тотальном одиночестве его героя», заброшенности в мире, о пограничных ситуациях, роковом стечении обстоятельств, в которых оказываются персонажи писателя; возводится в абсолют элемент трагизма в произведениях писателя в ущерб героическому началу, т. е. используют подход экзистенциалистской критики, бытовавшей в США в те годы.

А ведь В. Быков один из первых в советской литературе начал исследовать, как испытывается на прочность характер советского человека, поставленного в критическую ситуацию. Главная проблема, поставленная в его произведениях, – это как и почему простой советский человек, «не герой» оказывается, вовсе о том не подозревая, настоящим героем². Даже погибая, как Сотников, герои В. Быкова остаются победителями. Символичен конец повести. Сотников сознательно идет на гибель, подтверждая и смертью свое право на высокое звание человека. Перед казнью Сотников, сын комиссара гражданской войны, как бы передает свою нестигаемую волю, веру, честь мальчику «в старой армейской буденовке» – эпизод, являющий собой символ преемственности от поколения к поколению идеалов революции и гражданской войны.

Конечно, не все зарубежные исследователи предвзято и искаженно трактуют произведения советской военной прозы. «Я только что прочитал в журнале «Советская литература» роман Бориса Васильева «В списках не значился», – заявил в письме в редакцию журнала видный австралийский прозаик Ральф де Буассьер. – Роман написан так сурово, с такой болью, что иногда я откладывал чтение этого произведения на день-другой. Борис Васильев показал, какими гигантами могут стать люди при социализме... Я не могу забыть этот роман. Он слишком убедителен, правдив. Я хочу, чтобы вы передали мои слова Борису Васильеву.

¹ Canadian Slavonic Papers. 1978. Vol. 20. March. № 7.

² Откуда брались у героев, у этих простых людей (Сотникова, Степаниды Богатыко, путевого обходчика Едигея, старухи Анны у Распутина, Ивана Африкановича, Пряслиных), силы на то, чтобы совершить – на войне или в тылу – подвиг? Думается, от масштаба и страстности идеи, воспринятой не только умом, но всем эмоциональным существом человека. Они смогли прожить свою жизнь по совести, т. е. по идее, обладая способностью ощущать себя «на пределе», на крайнем рубеже, ничем и никак не смягчая личной ответственности перед людьми, перед страной. Процесс терпеливого всматривания в человека, который столь показателен в произведениях Ч. Айтматова, В. Распутина, В. Быкова, В. Белова, Ф. Абрамова, не исключает осмысленной концептуальности и идейной содержательности романов и повестей этих писателей. При этом их идейность полностью растворена в самой художественной ткани произведений.

Я хочу сделать ему лучший комплимент, который может сделать писатель писателю: я хотел бы, чтобы эта книга была написана мною...»¹

Необходимо отметить, что прогрессивная зарубежная критика, непредубежденные иностранные читатели, все люди доброй воли высоко оценивают произведения советских писателей как военной, так и сугубо мирной тематики, поскольку в них произошла художественная кристаллизация жизненного опыта советского народа в узловые, переломные моменты его истории. В них присутствуют ветер истории, «большое время» и дается оценка событий с народной точки зрения. Этот факт лишний раз свидетельствует о тенденциозной предвзятости и уязвимости рассмотренных нами советологических исследований.

Как мы уже видели, хотя большинство молодых англо-американских исследователей в выборе тем также шли в фарватере советологического литературоведения, некоторые из них все же пытались идти против течения, дорожа научными принципами и избегая антисоветских выпадов. К числу таких исследователей относятся, кроме упомянутых нами, также ученые Северо-Западного университета (США), который проводил прогрессивную политику в сфере культуры и стремился избегать контактов с агрессивно-антикоммунистическими кругами. Это еще раз продемонстрировал советско-американский симпозиум, посвященный проблемам русской литературы конца XIX – начала XX в., проходивший в этом университете (Эванстон, близ Чикаго) в конце 1982 г., в котором с американской стороны приняли участие около ста профессоров и преподавателей ряда университетов США (в том числе университетов Колорадо, Виргинии, Чикаго, Гарвардского университета), а также аспирантов и студентов. Характерной особенностью этого симпозиума было отсутствие антисоветских советологических выступлений. Все споры носили научный характер и не нарушали общей дружественной атмосферы. В составе советской делегации был и заместитель директора Института мировой литературы имени А.М. Горького, член-корреспондент АН СССР В. Щербина, который в интервью, помещенном в «Литературной газете», подчеркнул, что «молодое поколение американских русистов, в отличие от многих своих старших коллег, все менее использует изучение нашей литературы в политических антисоветских целях, стремясь к объективному научному исследованию»².

Знаменательно, что как раз в эти годы в Северо-Западном университете преподавал большой друг Советского Союза, известный американский русист профессор И. Вайль. В 2016 г. в Москве на русском языке вышла книга его воспоминаний «От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля». В ней, как в капле воды, отразился типичный путь молодого американского исследователя русской литературы в послевоенный период.

Автор подробно рассказывает о своем становлении как специалиста по русскому языку, русской литературе и изучению культуры России на протяжении более полувека. Его первым преподавателем в самом начале в Чикагском университете, куда он поступил в 1947 г., был С. Харпер, сын известного американского поэта У.Р. Харпера, основавшего этот университет в 1891 г. при солидной финансовой поддержке (более 100 миллионов долларов) Дж.Д. Рокфеллера. С. Харпер одним из первых представителей академической среды в США начал серьезно изучать и всячески популяризировать русский язык и русскую литературу в своей стране.

¹ Литературная газета. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.

² Литературная газета. 1982. 1 дек. С. 5.

К сожалению, в 1930-е гг. русистика была полностью свернута в университете в связи с экономическим кризисом, поразившим Америку в эти годы.

Однако после Второй мировой войны и сокрушительной победы над нацизмом, в которой основную роль сыграл Советский Союз, в США пришло понимание значимости советского государства в мировой истории и политике, благодаря чему возникла объективная необходимость изучения истории России, ее культуры, литературы и русского языка, что способствовало возобновлению преподавания этих предметов, причем на самом высоком научном уровне, в ведущих американских университетах, в том числе и в Чикагском. Как отмечает И. Вайль, «это была своего рода попытка открыть дверь в славную культуру русской литературы»¹. В своих мемуарах он постоянно подчеркивает роль представителей русской эмиграции первой волны в данном академическом процессе.

Вместе с тем конец 1940-х гг. – это возникновение «холодной войны» между СССР и США, поддерживаемой и западноевропейским альянсом после печально известной Фултонской речи У. Черчилля.

Автор книги передает атмосферу горячих научных споров в Чикагском университете, которая вместе с тем сильно отличалась от нагнетания атмосферы «холодной войны», как пишет ее автор, «в пропагандистских источниках»: газетах, журналах, на радио, в фильмах – во всех средствах массовой информации, формирующих общественное мнение в США. Так, например, в чикагском оперном театре была поставлена опера М. Мусоргского «Борис Годунов», где русский царь был представлен... кровожадным коммунистом, причем даже само имя Мусоргского было изменено: вместо Модест («скромный») – на его противоположность – «нескромный», что чрезвычайно поразило И. Вайля.

В то время факультет русского языка Чикагского университета возглавлял русский эмигрант – аристократ Дж. Бобринский, белый офицер, потомок незаконного сына Екатерины II и ее фаворита графа Г. Орлова. Бобринский очень внимательно и ответственно относился к обучению своих студентов и много сделал для их развития в области русистики.

В книге содержится много интересных подробностей о процессе обучения И. Вайля в этом учебном заведении, а также представлена его точка зрения как уже сложившегося ученого-русиста. Например, он пишет о значимости переводов произведений русской литературы, созданных британскими авторами: К. Гарнетт и Б. Гурнеем, причем в их сравнении; о противоречивой роли В. Набокова как преподавателя Корнеллского университета, его явном субъективизме в оценке творчества Гоголя, Достоевского и других русских писателей, а также о его аутентичном переводе романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который трактуется И. Вайлем как не в полной мере удачный.

После получения степени магистра славистики в Чикагском университете в 1951 г. спустя некоторое время И. Вайль в течение трех лет работал в библиотеке Конгресса под руководством русского ученого, эмигранта первой волны, члена Кадетской партии в Петербурге Е.М. Кулишера, соратника В.Д. Набокова, отца писателя. Как отмечает И. Вайль, он научил его тому, «что такое настоящее исследование», чему тот «от души благодарен ему... и по сей день»². Говоря о ста-

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. С. 75.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 89

линских репрессиях, он приводит один важный факт из своей научной практики: изучая многотомные публикации переписи населения России от 1897 г. и 1926 г., исследователь после долгих поисков обнаружил... всего лишь двухстраничную публикацию от 1939 г. о результатах второй советской переписи, появившуюся в печати лишь через три года после ее проведения в 1936 г. в том виде, «который явно скрывал демографическую катастрофу 1930-х годов»: провал коллективизации, последовавший за ним голод и начало сталинских репрессий¹.

Надо сказать, что и у себя на родине в 1950-е гг. И. Вайль подвергся процедуре так называемой «охоты на ведьм» как подозреваемый в принадлежности к Американской коммунистической партии, поскольку он совершенно случайно снимал квартиру в доме, где располагалась штаб-квартира коммунистической партии в Вашингтоне, а также в «подрывных связях» с известным немецким режиссером-коммунистом Э. Пискатором, драматическую студию которого он посещал в Чикаго и даже участвовал в постановках в качестве актера и начинающего режиссера в студенческие годы. Однако уже гораздо позже, после тщательного изучения всех документов компетентными органами, И. Вайль был полностью освобожден от всех этих безосновательных подозрений.

Под руководством Е.М. Кулишера, как считает автор мемуаров, значительно возросло его знание как русского языка, так и истории и культуры России. Он отмечает, что наставления и советы его учителя, который был представителем «старой русской интеллигентской традиции», неоценимо помогли ему и стали «в некотором смысле школой»². Он пишет: «...то образование, которое я получил путем тщательного и широкого обзора советской прессы, вместе с историческими комментариями человека, обладавшего высочайшим, совершенно необычным интеллектом, которому пришлось жить в водовороте этих событий, сформировало мой научный фундамент»³. С ним молодой человек мог и дальше успешно осваивать «многоликую реальность» российской истории, культуры и литературы.

В 1954 г. Фонд Форда учредил систему грантов для тех, кто хотел специализироваться в области русистики. И. Вайль воспользовался этой возможностью, получив грант на один год. Он поступил в Гарвардский университет на факультет славистики для получения докторской степени, после чего работал там в качестве ассистента преподавателя до 1958 г.

В Гарварде, этом интеллектуальном Олимпе Новой Англии, с одной стороны, по его словам, царило «безграничное высокомерие», которое подчас «принимало форму грубости и снисходительного отношения к другим людям»⁴, в том числе и к самому И. Вайлю. С другой стороны, он был рад и горд, что на факультете преподавали русские эмигранты – люди «высочайшего интеллекта»: блестящий специалист-филолог Р.О. Якобсон, бывший дипломат М.М. Карпович, создавший там свою школу изучения истории России, итальянский славист Р. Поджиоли, идеи которого не имели ничего общего с идеями формализма, которые в вузах США получили большое распространение и образовали новый академический

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 90

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 92.

³ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 93.

⁴ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 94.

подход к изучению литературы, получивший название «новая критика», к которому сильно тяготел и В. Набоков. Рассуждения Р. Поджиоли о гигантах русской литературы были выдержаны в рамках культурно-исторического подхода и, как отмечает автор, достаточно близко подводили американского читателя и слушателя лекций «к пониманию нравственной и художественной мощи этих гениев»¹, имея в виду Пушкина, Толстого, Достоевского и других русских писателей.

Представляют интерес воспоминания автора мемуаров о лекциях Д. Чижевского, Вс. Сечкарева. Один семестр в отсутствие М. Карповича на факультете преподавал В. Набоков, которому предложили прочесть курс лекций по творчеству Л.Н. Толстого. Многие преподаватели хотели, чтобы известный писатель продолжил свою работу в Гарварде, но этому сильно воспротивился Р. Якобсон. В результате Набокова не приняли на факультет, что было, конечно же, несправедливо по отношению к нему как талантливому преподавателю русской литературы, проявившему себя на этом поприще в других университетах и колледжах США, о чем эмоционально пишут в своих воспоминаниях его студенты.

Находясь в среде этих ориентированных на классическую русскую литературу замечательных ученых, И. Вайль решил, к их разочарованию, написать диссертацию о жизни и творчестве М. Горького, имя которого стало известно в Америке еще в начале XX в. Его работа увенчалась успехом. В 1966 г. в издательстве «Рандом Хаус» в Нью-Йорке, а в 1993 г. в Москве (в русском переводе) вышла его книга «Горький: его литературный рост и влияние на советскую интеллектуальную жизнь», которая также внесла несомненный вклад в горьковедение.

С 1958 по 1965 г. И. Вайль работал в Университете Брендайс в качестве старшего преподавателя русского языка и литературы (а затем и профессора). Его ученики, как он отмечает, преуспели в науке и творческих профессиях: русская литература и культура их безусловно обогатили. Однако после семи лет преподавания ему предложили покинуть университет. Долгие годы он работал в должности секретаря-казначей Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL), которая ежегодно в течение многих десятков лет и по сей день проводит в США и Канаде международные научные конференции, где выступают не только преподаватели и ученые из США, но и русисты из других стран Европы, Азии и Латинской Америки, в том числе и российские исследователи. До сих пор эта организация поддерживает свободный обмен мнениями между представителями разных школ и направлений и способствует не только взаимопониманию, но и углублению объективных знаний о русской литературе и языке.

Одновременно с 1966 г. в течение полувека И. Вайль являлся профессором Северо-Западного университета: он читал там курс по изучению литературы и культуры СССР. В те нелегкие времена его коллеги даже жаловались на него Президенту университета, говоря, что он «друг Советского Союза». И. Вайль вспоминает, что президент ответил следующим образом: «А что вы хотите? Он преподает советскую литературу. Вы бы хотели, чтобы он ненавидел то, что преподает?»² На этом, как пишет автор, инцидент был исчерпан.

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 95.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 104.

Начиная с 1960 г. И. Вайль более ста раз посещал СССР, а затем и Россию. В середине 1950-х – начале 1960-х гг. наступило время «хрущевской оттепели», и была образована Комиссия по международному обмену, поэтому студенты и аспиранты из США и СССР могли стажироваться в вузах этих стран. И. Вайль был на стажировке в МГУ и в Институте мировой литературы, где хранился обширный архив жизни и творчества М. Горького. Одновременно он по собственной инициативе завязывает контакты как с выдающимися представителями интеллигенции, так и с простыми людьми: «Эти люди покорили меня моментально», – пишет И. Вайль, отмечая «дружеское и доброжелательное отношение»¹ советских людей.

Важной вехой на пути своего исследования И. Вайль считает встречу и постоянное общение с К. Чуковским, который стал ему, по его словам, «вторым отцом». К. Чуковский в молодости работал под руководством Горького в издательстве «Мировая литература», которое с 1920-х гг. выпускало в СССР лучшие произведения мировой литературы с целью нести высокую культуру в массы. С этим издательством сотрудничали высококвалифицированные литературные специалисты, считавшие художественный перевод неотъемлемой частью литературы. Так, в XX в. в СССР появилось семнадцать переводов «Гамлета», один из которых принадлежал Б.Л. Пастернаку. И. Вайль высоко оценивает переводы Шекспира, выполненные М.Л. Лозинским, а из современных – совместные переводы Р. Пивера и Л. Волхонской – американца и русской: в этом тандеме они создали переводы многих литературных произведений.

И. Вайль также вспоминает о своих встречах с Б.А. Бяликом, ведущим специалистом по творчеству Горького, В.И. Кулешовым, профессором филологического факультета МГУ, которые весьма доброжелательно отнеслись к его исследованию, о знакомстве с поэтом Е.А. Евтушенко, объективно отмечая сильные и слабые его стороны, как и некоторые аспекты творчества И. Эренбурга. Он восхищается мужественным поведением А.И. Солженицына, размышляет о трагических судьбах М.А. Булгакова и О.Э. Мандельштама, высоко оценивая их творчество, пишет об истории создания романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и драматических последствиях присуждения писателю Нобелевской премии. В мемуарах хорошо передана напряженная атмосфера московской интеллектуальной жизни 1960-х гг., а также изменения, происходившие в 1970–1980-е гг., и, наконец, распад СССР в 1991 г., что на Западе, по мнению Вайля, вначале было расценено как «смена вывески». В них присутствуют и его интересные рассуждения о системе Станиславского, и главы о музыкальных деятелях – о всемирно известном композиторе Д.Д. Шостаковиче, посетившем в 1973 г. Северо-Западный университет, при этом его гидом и переводчиком во время его пребывания в Эванстоне был сам И. Вайль, о чем он подробно пишет в своих мемуарах. Есть глава о композиторе С.С. Прокофьеве, его драматической судьбе и встрече И. Вайля с его репрессированной супругой Линой, а также глава о его общении с В. Набоковым.

Мемуары И. Вайля заканчиваются на оптимистической ноте: «все то положительное, что я знаю о русских людях и их культуре в целом, обязательно возобладает над всем отрицательным... русское общество сможет мобилизовать свои лучшие черты и построит такое будущее, в котором будут возможности для развития огромного таланта, таящегося в этой необъятной стране»².

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 109.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 181.

И. Вайль более полувека своей жизни отдал не только изучению русского языка и литературы, русской культуры и истории, в чем он безусловно преуспел, как и в обучении этим предметам американских студентов. Но главное, что он совершил, – он внес огромный вклад, пребывая то в нашей стране, то у себя на родине, в избавление окружающих его людей от распространенных ложных стереотипов восприятия наших стран на инациональном уровне, боролся за появление новой объективной информации, в чем бы она ни заключалась, и против безудержной пропаганды, навязываемой обычным людям средствами массовой информации.

За его неустанные усилия по распространению русского языка и литературы и выдающийся вклад в сближение между нашими народами он был награжден Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) медалью Пушкина, которую ему торжественно вручил посол СССР в США А. Добрынин. Также он получил звание Почетного профессора Российского государственного гуманитарного университета в связи с тем, что своей преподавательской и просветительской деятельностью этот знаменитый ученый способствовал улучшению и углублению взаимопонимания и объективной оценке истории и культуры России и Америки. Мемуары И. Вайля – это честная, откровенная, эмоциональная повесть о его вхождении в мир русской культуры и литературной жизни, о его русских учителях как у себя на родине, так и в России, о гениях и простых русских людях, к которым он также испытывал глубокое уважение и благодарность за теплоту и душевное гостеприимство, неотделимое, по его мнению, от «русской природы».

Другой друг нашей страны, представитель послевоенного поколения молодых ученых, Джон Глэд (1941–2015) – известный американский славист, переводчик, профессор Мерилендского университета – также внес большой вклад в популяризацию русской литературы на Западе и особенно в США, как и в сохранение литературного наследия русской эмиграции.

Потомок хорвата-эмигранта, он в 17 лет начал изучать русский язык, на котором в дальнейшем говорил практически без акцента, и горячо полюбил русскую литературу. Будучи студентом американского университета, получил степень бакалавра, а затем и магистра. В 1970-е гг. несколько раз посетил СССР, совершенствуя свои знания русского языка и литературы, которые затем передавал своим студентам американских университетов. Особенно тесно он общался с русскими эмигрантами всех трех волн, неоднократно брал у них интервью, в результате чего оставил в записи на пленке и видео уникальные трехчасовые беседы с Р. Гулем, Б. Филипповым, В. Войновичем, В. Некрасовым, В. Аксеновым, Ю. Алешковским, С. Соколовым, И. Бродским и др., в которых содержатся откровения писателей и поэтов, оказавшихся в США, их размышления о литературе, собственном творчестве и творчестве других русских литераторов, о стране, принявшей их, как и воспоминания о своей родине. Эти интервью легли в основу его книги, изданной в России, «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье» (М., 1991). По приезде в Россию он безвозмездно передал огромные бобины с этими уникальными записями в фонд «Русское зарубежье», основанный А.И. Солженицыным в Москве, директор которого, В.А. Москвин, с благодарностью принял этот дар. В дальнейшем они были перенесены на современные носители информации и стали доступны посетителям фонда.

В 1999 г. Дж. Глэд опубликовал в США также уникальный по своему охвату и значению труд «Russia Abroad» в издательстве И. Ефимова «Hermitage» объ-

емом в 760 страниц, в котором он проследил четырехвековую историю русской эмиграции в Европу и США, начиная с князя Д. Курбского, современника Ивана Грозного. К сожалению, книга до сих пор не переведена на русский язык, хотя это, безусловно, насущная необходимость.

Помимо научной, педагогической и просветительской деятельности, он создал издательство «Березка», в котором печатались книги русских писателей и поэтов. Также, в совершенстве владея русским языком, он успешно и талантливо переводил на английский язык сложную для перевода поэзию Н. Клюева и О. Мандельштама, прозу В. Аксенова и В. Шаламова, стремясь сохранить метафоричность образов, значение ключевых слов и лейтмотивов в их творчестве. Критика высоко оценила его переводы поэзии О. Мандельштама, сравнивая их с «россыпью бриллиантов». Его переводы произведений В. Шаламова сделали творчество этого писателя, прошедшего двадцать лет в сталинских лагерях, очень известным на Западе и принесли его вдове солидные дивиденды, на которые она смогла подготовить и опубликовать шеститомное издание его прозы в России.

Дж. Глэд бескорыстно помогал эмигрантам из России, многие из которых сильно нуждались, предоставляя им свой кров и пищу, денежные средства, при этом старался любым способом облегчить эмигрантское существование даже незнакомым людям. В конце жизни он возглавил очень известный в США благотворительный Фонд им. Дж. Кеннана в Вашингтоне, который предоставлял гранты от 3 до 6 месяцев стажерам и специалистам из России: филологам, экономистам, юристам, историкам, социологам и представителям других гуманитарных специальностей, тем самым внося свой неоспоримый вклад в укрепление взаимопонимания между двумя нашими странами – Россией и Америкой.

Большой вклад в распространение русской литературы в США и сохранение литературного наследия русской эмиграции внесло и издательство имени А.П. Чехова, созданное в Нью-Йорке в 1952 г. при финансовой поддержке Фонда Форда и просуществовавшее четыре года. Оно выпустило 178 книг 129 авторов и 7 антологий, в частности: «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии; под ред. Ю. Иваска), «На Перевале», «Опальные повести» (под ред. В. Александровой), «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой), «Приглушенные голоса» (антология поэзии за железным занавесом под ред. В. Маркова), «Православие в жизни».

Наряду с произведениями русской классики: «Повести» Н.В. Гоголя, «Соборяне» Н.С. Лескова, «Девять повестей» В.Ф. Одоевского, «Избранные стихи» Ф.И. Тютчева и др., – издавались произведения М.А. Алданова, рассказы М.А. Булгакова, сочинения И.А. Бунина, романы В.В. Набокова, Р. Гуля, Е.И. Замятина, Д.С. Мережковского, Н. Нарокова, А.М. Ремизова, Л. Ржевского, проза М. Цветаевой, Б.К. Зайцева, рассказы И.С. Шмелева, М. Зощенко, драматургия С. Малахова, стихи А. Ахматовой, И. Елагиной, Н. Гумилева, а также мемуарные и философские книги Г.В. Иванова, П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, Р.В. Иванова-Разумника, историко-философские эссе и другие книги. Была отдана дань и зарубежной классике: в переводе на русский язык были изданы произведения У. Сарояна, А. Труайя, Г. Уайлдера, а также историко-публицистические произведения иностранных авторов, главным образом американских. Материалы XX Съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, были восприняты в США как весомый аргумент для закрытия издательства в 1956 г., по-

скольку в Москве «восторжествовала правда», и было решено больше не тратить деньги на издание книг и исследований подобного рода.

Однако в 1970–1980-е гг. ему на смену пришло не менее продуктивное мичиганское издательство «Ардис», которое просуществовало почти 20 лет (с 1971 по 1991 г.). Оно было основано в университетском городке Анн Арбор в Мичигане; им руководили специалисты по русской литературе Карл и Эллендейа Проффер, и вскоре оно стало ведущим издательством в США, ориентированным на мир русской литературы.

Исчерпывающую характеристику его направленности дал отечественный критик И. Толстой: «Не гадание на политической гуще, не сомнительной достоверности домыслы, – но прежде всего верность тексту, глубокое почитание авторской воли, стремление по возможности воссоздать для читателя забытый облик давнего или прижизненного издания», – вот что, на его взгляд, отличает книги издательства «Ардис» и, по его мнению, позволяет выделить их «в группу исследовательских первоисточников»¹.

Не случайно руководителем издательства «Ардис» в качестве его названия выбрали топоним из романа В. Набокова «Ада»: там все его четырнадцать книг, написанные в Европе до Второй мировой войны, были переизданы в 1970–1980-е гг., поскольку сам автор передал чете Профферов все права на свои русские издания. К сожалению, в них полностью отсутствует комментарий, но сохранены все поздние английские предисловия Набокова к текстам его русских романов уже в переводе на русский язык. Кроме того, в эти годы там публиковались интереснейшие научные труды и объективные исследования известных американских ученых о проблемах творчества Набокова. Так, была издана монография Б. Бойда, автора двухтомной энциклопедически полной и тщательно выверенной творческой биографии писателя. Это исследование о его романе «Ада» – «“Ада” Набокова. Место сознания», первоначальный вариант которой был написан в 1978 г. в виде диссертации, которую автор защитил в Торонто в 1979 г., а затем отправил К. Профферу, который предложил ее опубликовать в 1980 г.² Им также были опубликованы получившие большую известность книги набоковеда Б. Джонсона «Распадающиеся миры» и Г. Барабтарло «Фантом факта». Сам К. Проффер дополнил издательскую «набоковиану» своим исследованием – книгой «Ключи к Набокову», а также изданием сборника «Всякая всячина о Владимире Набокове» под своей редакцией.

Супруга К. Проффера, его бывшая аспирантка Э. Проффер, составила и издала солидную биографию М. Булгакова, Р. Хэгглюнд – библиографию и биографию Г. Адамовича периода эмиграции. Выходили и фотобиографии, посвященные М. Булгакову, М. Цветаевой, Б. Окуджаве, Н. Евреинову, в которых особое место

¹ Толстой И. Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 187.

² Судьба блистательного набоковеда Б. Бойда захватывающе интересна. Он родился и вырос в Новой Зеландии. В юности, увлекшись творчеством Набокова, он отправился в библиотеку, чтобы прочесть «Лолиту», однако ее не было в наличии, и ему предложили взять роман «Бледное пламя», который его просто потряс как своей необычной формой, так и неожиданным пародийно-авантюрным содержанием и богатством поэтики. Б. Бойд решил заниматься творчеством Набокова. По рекомендации К. Проффера он встретился с вдовой писателя Верой Евсеевной, которая, ознакомившись с его проникновенным исследованием об «Аде» и оценив его «приверженность фактам», разрешила ему работать с полным архивом В. Набокова и создать не только библиографию, которую тот планировал, но и новую биографию писателя, «которая могла бы опровергнуть и вытеснить из научного употребления» скандально известную биографию Э. Филда, опубликованную в 1977 г. (см. об этом: Бойд Б. Предисловие к русскому изданию // Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания. СПб.: Симпозиум, 2012. С. 10).

занимали фотоматериалы. Выходили и первые в мире исследовательские работы: книга Г. Кэма о «Серрапионовых братьях», монография У. Брауна «История русской литературы эпохи романтизма», исследование Г. Браунинга о Б. Пильняке сподзаголовком «Скиф за пишущей машинкой», первая книга об О. Сомове Дж. Мерсеро и др. Многие произведения русских классиков: Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чернышевского, Островского, Писемского, Сологуба, Погорельского – и даже «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой и др. были изданы в переводах на английский язык, хотя некоторые из них публиковались в оригинале, например «Записки из подполья» Достоевского, не вышедшие в советское время отдельным изданием, факсимильный сборник дореволюционного издания двухтомника Киреевского и фотокопия «Путешествия в Арзрум» Пушкина, выпущенного в Париже под редакцией М.Л. Гофмана и с предисловием С. Лифаря.

В переводах на английский язык была издана проза М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Ремизова, произведения М. Зощенко, Б. Пильняка, Ю. Олеши, Е. Замятина, О. Мандельштама, А. Грина, М. Шагинян, многочисленные антологии произведений писателей второго ряда и воспоминания Н. Мандельштам, Л. Брик и Л. Белозерской, объединенные в сборнике «Вдовы России».

Отдельными изданиями была выпущена современная проза А. Битова, Ф. Искандера, В. Аксенова, Ю. Нагибина, А. Гладилина, Ф. Абрамова и др.; также там вышли сборники рассказов «Современная русская проза» (Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Шукшин), «Гласность. Новая советская проза» (Л. Петрушевская, Вик. Ерофеев, Т. Толстая, В. Попов и др.), интервью с поэтами-шестидесятниками: А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной и др. Были переведены на английский язык даже историко-литературные исследования отечественных авторов, ставшие классическими: М. Бахтина, Б. Эйхенбаума, Вас. Гиппиуса, Ю. Лотмана, К. Рудницкого, а также выпущены антологии критических и теоретических работ о Гоголе, русских символистах, истории развития западной русистики и т. д.¹

Важным начинанием издательства «Ардис» стала публикация в 1970–1980-е гг. «Русского литературного трехквартальника» (“Russian Literature Triquarterly”) – весьма объемного журнала-альманаха, «уникального в своем роде издания во всем Западном мире», поскольку он целиком был посвящен русской литературе, с популяризаторской целью «предложить вниманию широкого читателя непере переведенные русские тексты», как пишет Э. Проффер, подводя итоги в последнем, 24-м его номере в феврале 1991 г. Также она отмечает: «Журнал этот старался представить промежуточное поколение славистов, тех, кто не относился ни к марксистам, ни к поклонникам холодной войны. Их внимание было сосредоточено на литературе, а не на политике – и не потому, что политика стремилась целиком вытеснить литературу даже в спорах о литературе. Сейчас положение счастливым образом изменилось, и поскольку картина русской литературы полна многочисленных переводов в отдельных изданиях, потребность в таком журнале уже отпадает»².

К этому времени советология, как и «новая критика», во многом утратили свои позиции: пришло время объективных научных трудов, которые начали выходить уже в 1970–1980-е гг. благодаря объединению научных усилий англо-американских исследователей и лучших представителей отечественной филологии.

¹ Более подробно об этом см.: *Толстой И.* Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. С. 187–190.

² См.: *Proffer E.* Russian Literature Triquarterly. 1991. № 24. February (цит. по: *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. С. 187).

Их отличает стремление к глубине и объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам русской литературы, введение в научный оборот новых для западной академической аудитории имен, а также опора на достижения известных российских ученых-филологов. С другой стороны, лучшие достижения англоязычных ученых на ниве славистики, как и русистики, также широко издаются на русском языке в нашей стране: это энциклопедические труды о В. Набокове Б. Бойда, монография В. Александрова «Набоков и потусторонность», глубокие исследования о прозе Пушкина П. Дебрецени, творческая биография Чехова Д. Рейфилда, монография о проблемах творчества Толстого Д. Орвина, о психологии творчества русских писателей О. Меерсон, уникальная книга Дж. Глэда «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье», вобравшая в себя его интервью с представителями трех волн русской эмиграции; рассмотренные нами мемуары известного русиста И. Вайля о его становлении как специалиста по русской литературе и культуре России и о его многочисленных творческих контактах с русскими эмигрантами в США и известными писателями и учеными в России и т. д.

Таким образом, современные англоязычные исследователи в своем большинстве, используя свой жизненный опыт и творческие контакты с российскими учеными, с большой долей объективности стремятся донести до западного читателя не только художественное совершенство русской литературы XIX–XX вв., но также морально-этические и эстетические взгляды великих русских писателей, а также культурно-исторический фон описываемой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ф. На ком земля держится. Из архива // Литературная газета. 1985. № 10. 6 марта. С. 7.

Александров В.Е. Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1999. 318 с.

Андреев Ю.А. Массовая культура и культура масс // Звезда. 1982. № 7. С. 151–166.

Barooshian V.D. Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd print. The Hague, Paris-Mouton, 1976. 176 p.

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004. 928 с.

Бойд Б. «Ада» Набокова: Место сознания / Пер. с англ. СПб.: Symposium, 2012. 480 с.

Борщук В. Поле битвы идей М.: Сов. писатель, 1983. 415 с.

Bowman E. Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford, N.Y., 1973. P. 138–145.

Brown C. On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford, N.Y., 1973. P. 145–152.

Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. 394 p.

Brown E. Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 386 p.

Brown E. Brave New World, 1984, and We: An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1976. 61 p.

- Brown E.* Rec. on: Charters A. and S. I Love // *The Russian Review*. April. 1980. Vol. 39. № 2. P. 267–268.
- Browning G.* Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 259 p.
- Буасьер Р. де.* Письмо в ред. «Литературной газеты» // *Литературная газета*. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.
- Burgess A.* 1985. London: Hutchinson, 1978. 272 p.
- Быков В.* Знак беды // *Дружба народов*. 1983. № 4. С. 38–126.
- Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. 224 с.
- Charters A. and S. I Love:* The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y.: Farrar, Straus Giroux, 1979. 398 p.
- Дебрецени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина / Пер. с англ. СПб., 1995. 398 с.
- Eimermacher K.* War Literature // *Marxism, Communism and Western Society: A Comparative Encyclopedia* / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y., 1972–1973. P. 326–329.
- Frankel T.* The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972. 198 p.
- Friedberg V.* Soviet Letters under Brezhnev // *Problems of Communism*. 1983. May – June. P. 51–58.
- Gibian G.* Soviet Writers of the “Little World”. Hamilton, Ontario, 1972. 29 p.
- Глэд Дж.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.
- Glad J.* Russia Abroad. N.Y.: Hermitage, 1999. 760 p.
- Harjan G.* Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto: Arowhene Publ. Co., 1979. 233 p.
- Hingley R.* Preface: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. I–XVIII.
- Hosking J.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London, Elek: Granada publ., 1980. 260 p.
- Ильин И.П., Соколова Е.В.* Уэллек Рене // *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия*. М.: Intrada, 2004. С. 415–416.
- James V.* Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. Lndon, 1973. 146 p.
- Козлов А.С.* Мифологическая критика // *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия*. М.: Intrada, 2004. С. 258–262.
- Lewis Ph.* Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // *Soviet Studies*. Univ. of Glasgo. Vol. XXVIII, October. № 4. P. 548–569.
- Lönquist B.* Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979. 127 p.
- Mandelstam O.* Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve and B.A. Filippov. N.Y., 1967.
- Марков Г.* Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // *Вопросы литературы*. 1981. № 8. С. 3–21.
- Mathewson R.B.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978. 364 p.
- McVay A.* Esenin: A Life. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1976. 352 p.
- McVay A.* Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1980. 335 p.

- Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London: Oxford Univ. Press, 1973. 439 p.
- Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y., 1973. 649 p.
- Меерсон О.* Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб., 2009. 432 с.
- Natov N.* Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s // Russian Review. 1974. Vol. 33. October. № 4. P. 357–371.
- Oats J.C.* A Letter to C. Proffer // The New Republic. 1981. 14 February. P. 32.
- Орвин Д.Т.* Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб., 2006. 303 с.
- Овчаренко А.* Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 199–212.
- Proffer C.R.* The Widows of Russia and Other Writings. Ann Arbor (Mich.): Ardis. 1987. XIV, 159 p.
- Proffer E.* Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. XIV, 670 p.
- Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. Б.Г.С.-Пресс, 2010. 781 с.
- Ransom S.C.* New Criticism. Norfolk, 1941. XIII, 339 p.
- Russia: The Spirit of Nationalism. Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.
- Shneidman N.N.* Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.), 1973. 209 p.
- Tate A.* Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y., 1936. XII, 240 p.
- Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 204 с.
- Трифонов Ю.В.* Повести. М., 1978. 542 с.
- Tsvetaeva M.* Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor (Mich.): Ardis. 143 p.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Цурганова Е.А.* Новая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 287–291.
- Understanding Poetry / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren N.Y., 1938: XXIV, 680 p.
- Understanding Fiction / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren: N.Y., 1943: XX, 608 p.
- Vitins V.* Rec. on: Tsvetaeva M. A Pictorial Biography, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1980 // Slavonic Review. Spring. 1982. P. 176–177.
- Vroon R.* Velimir Chlebnikov's "Chadži Tarchan" and the Lomonosovian Tradition // Russ. Lit. Amsterdam, 1981. P. 107–131.
- Wellek R., Warren A.P.* Theory of Literature. N.Y.; London, 1949. X, 403 p.
- West D.M.* Mandelstam: The Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. № 10. 1980. 154 p.
- Wimsatt W.K.* The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry (with M.C. Beardsley). Lexington, 1954. XVIII, 299 p.
- Wimsatt W.K.* Literary Criticism: A Short Story (with Cl. Brooks). N.Y., 1957. 755 p.

REFERENCES

- Abramov F. By Whom the Earth Is Held. From Archives. *Literaturnaya Gazeta*. 1985. No 10. 6 March, p. 7.
- Aleksandrov V.E. (1999) Nabokov's Otherworld. St.-Petersburg. Aleteja Publ. 320 p.
- Andreev Yu. A. Mass Culture and Culture of the People. *Zvezda*. 1982. No 7, pp. 151–166.
- Barooshian V.D. (1976) Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd ed. The Hague, Paris – Mouton. 176 p.
- Borstchukov V. (1983) The Field of and Ideological Battle. Moscow. 415 p.
- Bowman E. Postscript on Pasternak. In: Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. Ljndon; Oxford; N.Y. 1973, pp. 138–145.
- Boyd B. (1990) Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press. 696 p.
- Boyd B. (2004) Vladimir Nabokov: The American Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press. 928 p.
- Boyd B. (2012) Nabokov's Ada. The Place of Consciousness. St.-Petersburg. Symposium Publ. 480 p.
- Brown C. (1973) On Reading Mandelstam. In: Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford; N.Y., pp. 145–152.
- Brown D. (1979) Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y. 394 p.
- Brown E. (1973) Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey. Princeton Univ. Press. 386 p.
- Brown E. (1976) Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 61 p.
- Brown E. Rec. on: Charters A. and S. I Love. *The Russian Review*. April. 1980. Vol. 39. No 2, pp. 267–268.
- Browning G. (1985) Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 259 p.
- Boissière R. de A Letter to "Literaturnaya Gazeta". *Literaturnaya Gazeta*. 1982. No 7. 17 February, p. 2.
- Burgess A. (1978) 1985. London, Hutchinson. 272 p.
- Bykov V. A Sign of Trouble. *Druzhba Narodov*. 1983. No 4, pp. 38–126.
- Charters A. and S. (1979) I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y. Farrar, Straus Giroux. 398 p.
- Debreczeny P. (1995) The Other Pushkin: A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction. 398 p.
- Eimermacher K. War Literature. In: Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y. 1972–1973, pp. 326–329.
- Frankel T. (1972) The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y. 198 p.
- Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev. *Problems of Communism*. 1983. May-June, pp. 51–58.
- Gibian G. (1972) Soviet Writers of the "Little World". Hamilton, Ontario. 29 p.
- Glad J. (1991) Conversations in Exile: Russian Literature Abroad. Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 320 p.
- Glad J. (1999) Russia Abroad. N.Y. Hermitage. 760 p.

- Harjan G. (1979) Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto. Arowhere Publ. Co. 233 p.
- Hingley R. Preface. In: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y. 1979, pp. I–XVIII.
- Hosking J. (1980) Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London, Elek. Granada Publ. 260 p.
- Ilyin I.P., Sokolova E.V. (2004) Wellek Rene. In: Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia. Moscow. Intrada Publ., pp. 415–416.
- James V. (1973) Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. London. 146 p.
- Kozlov A.S. Myth Criticism. In: Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia. Moscow. Intrada Publ. 2004, pp. 258–262.
- Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature. *Soviet Studies. Univ. of Glasgo*. 1976. Vol. XXVIII. October. No 4, pp. 548–569.
- Lönnquist B. (1979) Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm. Almqvist & Wiksell International. 127 p.
- Mandelstam O. (1967) Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve and B.A. Filippov. N.Y.
- Markov G. Soviet Literature in its Struggle for Communism and Its Problems in the Right of the XXVI Congress of KPSU’s Decisions. *Problems of Literature*. 1981. No 8, pp. 3–21.
- Mathewson R.B. (1958) The Positive Hero in Russian Literature. N.Y. Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978. 364 p.
- McVay A. (1976) Esenin: A Life. Ann Arbor (Mich.). Ardis Publ. 352 p.
- McVay A. (1980) Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.). Ardis Publ. 335 p.
- Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London. Oxford Univ. Press. 1973. 439 p.
- Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y. 1973. 649 p.
- Meerson O. (2009) Personalism as Poetics: The World of Literature in the Eyes of Its Inhabitants. St.-Petersburg. 432 p.
- Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s. *Russian Review*. 1974. Vol. 33. October. No 4, pp. 357–371.
- Oats J.C. A Letter to C. Proffer. *The New Republic*. 1981. 14 February, p. 32.
- Orwin D.T. (2006) The Art and Thought of Tolstoy. 1847–1880. St.-Petersburg. 303 p.
- Ovcharenko A. The Main Kinds of Socialist Realism. In: Socialist Literature and the Modern Literary Process. Moscow. Sovremennik Publ. 1975, pp. 199–212.
- Proffer C.R. (1987) The Widows of Russia and Other Writings. Ann Arbor (Mich.). Ardis. XIV, 159 p.
- Proffer E. (1984) Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.). Ardis. XIV, 670 p.
- Rayfield D. (2010) A Life of Anton Chekhov. B.G.C.-Press. 781 p.
- Ransom S.C. (1941) New Criticism. Norfolk. XIII, 339 p.
- Russia: The Spirit of Nationalism. *Review of National Literatures*. N.Y. 1972. Vol. 33. No 1.
- Shneidman N.N. (1973) Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.). 209 p.
- Tate A. (1936) Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y. XII, 240 p.

- Tolstoy I. (1993) *Italics of the Epoch*. Literary Notes. St.-Petersburg. Pushkin Fund Publ. 204 p.
- Trifonov Yu.V. (1978) *Long-short Stories*. Moscow. 542 p.
- Tsvetaeva M. (1980) *Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography* / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 143 p.
- Tynyanov Yu.N. (1977) *Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow. 576 p.
- Tsurganova E.A. *New Criticism. Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia*. Moscow. Intrada Publ. 2004, pp. 287–291.
- Understanding Poetry* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y. 1938. XXIV, 680 p.
- Understanding Fiction* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y. 1943. XX, 608 p.
- Vitins V. Rec. on: Tsvetaeva M. *A Pictorial Biography*, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis. *Slavonic Review*. Spring. 1982, pp. 176–177.
- Vroon R. Velimir Chlebnikov's "Chadži Tarchan" and the Lomonosovian Tradition. *Russ. Lit.* Amsterdam. 1981, pp. 107–131.
- Weil I. (2016) *From the Cincinnati Reds to the Moscow Reds. Memories*. Moscow. 224 p.
- Wellek R., Warren A.P. (1949) *Theory of Literature*. N.Y.; London. X, 403 p.
- West D.M. (1980) *Mandelstam: The Egyptian Stamp*. Birmingham Slavonic Monographs. No 10. 154 p.
- Wimsatt W.K. (1954) *The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry* (with Beardsley M.C.). Lexington. XVIII, 299 p.
- Wimsatt W.K. (1957) *Literary Criticism: A Short Story* (with Brooks Cl.). N.Y. 755 p.

Сведения об авторе:

Татьяна Николаевна Белова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana N. Belova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tnbelova@yandex.ru